СССР

ПОДЛИННАЯ ИСТОРИЯ

Федор РАЗЗАКОВ

ПОЧЕМУ НЕ ГАСНУТ СОВЕТСКИЕ «ЗВЕЗДЫ»

СВЕТЛОЕ ПРОШЛОЕ

Федор Ибатович Раззаков
Почему не гаснут советские «звезды»

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=298752
Почему не гаснут советские «звезды»: Яуза, Эксмо; Москва; 2010
ISBN 978-5-699-40776-7

Аннотация

Алла Пугачева и Вячеслав Тихонов, Василий Шукшин и Владимир Высоцкий, Сергей Бондарчук и Эльдар Рязанов, Никита Михалков и Андрей Макаревич – эти звездные имена известны в нашей стране каждому. Гораздо реже вспоминают, что все они выросли и состоялись в СССР. Наоборот, сегодня считается хорошим тоном сетовать, как тяжело жилось деятелям культуры в Советском Союзе, с каким трудом они пробивались сквозь цензуру и запреты, сколько звездных судеб было сломано, сколько гениальных фильмов и рукописей десятилетиями пылились на полках и в ящиках столов… Новая книга популярного автора не оставляет от этих антисоветских мифов камня на камне, неопровержимо доказывая, что фактически все «звезды» СССР – даже те из них, кто был настроен антисоветски, – состоялись не вопреки, а благодаря советской власти, подтверждением чему служит и тот неоспоримый факт,

что после «крушения тоталитарного режима» и «торжества свободы и демократии» не удалось создать ничего соизмеримого с шедеврами советской эпохи. Да, система отбора в СССР была гораздо жестче и строже, чем теперь, но именно это и позволяло, отсеяв шелуху и однодневки, продвигать подлинные таланты, именно поэтому великие советские «звезды» по яркости, масштабам и долголетию неизмеримо превосходят нынешних жалких «звездочек» и «звездунов»!

Содержание

Драма «Тихого Дона» 5
Цунами насилия, или Два мира – две преступности 32
Застой как благо 34
Апологеты беззакония 41
Нашествие маньяков 46
Всем миром 56
Зачинатели советского рэкета 61
Кладбищенские «жуки» 66
Культиваторы пороков 71
Тухлая «клубничка» 75
Битва за великого маршала 86
Конец ознакомительного фрагмента. 90

Федор Раззаков
Почему не гаснут советские «звезды»

Драма «Тихого Дона»
Послесловие к сериалу

В ноябре 2007 года Российское телевидение закончило показ телесериала Сергея Бондарчука «Тихий Дон». Мнения об этом фильме звучат диаметрально противоположные, и каждое из них имеет под собой основания. Однако в пылу полемики все спорщики в основном обращают внимание на мелкие детали (хороши актеры или плохи) и при этом забывают о главном: ради чего создавался этот фильм и какие передряги он претерпел, прежде чем добрался до нас в сильно купированном виде (из 12 серий до нас дошли только 7). Желание рассеять туман над историей появления этой картины на свет и заступиться за его создателей – автора романа и его экранизатора – и подвигло меня взяться за перо.

Отечественные кинематографисты не в первый раз обращаются к великому роману М. Шолохова «Тихий Дон». В первый раз это произошло в 1931 году благодаря стараниям режиссеров «Совкино» Ольги Преображенской и Ивана Правова. Правда, они замахнулись всего лишь на первую часть романа, сосредоточив свое внимание на взаимоотношениях Аксиньи и Григория. В итоге получилась мелодрама, которая весьма тепло была встречена широким зрителем. После этого советские кинематографисты оставили роман в покое на четверть века.

В середине 50-х годов, когда в стране наступила хрущевская «оттепель», советские кинорежиссеры бросились экранизировать многие произведения как русской, так и советской классики. Кто-то взялся за «Хождение по мукам» (Василий Ордынский), кто-то за «Как закалялась сталь» (Александр Алов и Владимир Наумов), кто-то за «Идиота» (Александр Пырьев) и т. д. Естественно, не могла остаться без внимания и грандиозная эпопея Михаила Шолохова «Тихий Дон». За нее взялся один из самых влиятельных в советском кино режиссеров – Сергей Герасимов. Главным побудительным мотивом для обращения Герасимова к этому роману была его невероятная актуальность для тех дней.

После смерти Сталина страна стояла как бы на распутье, и судьба Григория Мелехова многим была близка: ведь он тоже прошел через муки и разочарования, познал горечь потерь и часто стоял на распутье, мучительно размышляя: как

быть, что делать дальше, к какому берегу пристать? В итоге пристал к советскому. Именно этот выбор и был интересен Герасимову, который посредством кинематографа хотел донести до миллионов советских людей шолоховскую мысль: как бы ни была жестока советская власть в отдельные свои периоды, она все равно является лучшей долей для трудового народа.

За написание сценария Герасимов взялся в 1955 году и написал его за шесть недель. К началу следующего года режиссер приступил непосредственно к работе над фильмом – выбору актеров. В разгар этих работ случилось событие, которое лишний раз утвердило Герасимова во мнении, что он не зря взялся за эту экранизацию.

В феврале 1956 года Хрущев выступил на закрытом заседании XX съезда КПСС с докладом «О культе личности Сталина». Доклад вызвал настоящий шок сначала среди делегатов съезда, а потом и среди миллионов советских людей, до которых были доведены лишь главные тезисы этого доклада. Герасимов, хоть и был делегатом съезда, однако на том заседании не присутствовал – работал на студии. Поэтому о сути доклада он узнал от Шолохова. Оба были возмущены этим документом и считали его стратегической ошибкой руководства партии. Причем Шолохов объявил об этом непосредственно на съезде, став единственным человеком, кто возразил Хрущеву. А сказал писатель следующее:

«Нельзя оглуплять деятельность Сталина в тот период

(речь идет о военном времени: Хрущев в своем докладе заявил, что «Сталин руководил войной по глобусу». – *Ф.Р.*). Во-первых, это нечестно, а во-вторых, вредно для страны, для советских людей, и не потому, что победителей не судят, а прежде всего потому, что ниспровержение не отвечает истине».

Эта позиция Шолохова умножила число его врагов, которых и без того было достаточно как в высших слоях партноменклатуры, так и в среде творческой интеллигенции. Будь их воля, они бы еще тогда остановили работу Герасимова над экранизацией «Тихого Дона», но, как говорится, поезд уже ушел. А когда три серии картины вышли на широкий экран (в 1957–1958 годах), то замолчать успех было просто невозможно: фильм стал лидером проката, собрав на своих сеансах 47 миллионов зрителей, что было рекордом для тогдашнего советского кинематографа. Если приплюсовать к этому и тот успех, который сопутствовал картине за рубежом (награды на трех кинофестивалях и диплом Гильдии режиссеров США как лучшему иностранному фильму 1958 года), то триумф герасимовского фильма можно назвать сенсационным.

Экранизация «Тихого Дона», осуществленная С. Герасимовым, прибавила популярности роману. В те дни достать его в библиотеках было практически невозможно – он все время был на руках. Издательство «Художественная литература» выпустило новый тираж романа в несколько миллио-

нов экземпляров, который был сметен с прилавков в одночасье. Апогеем этого триумфа стало присуждение М. Шолохову Нобелевской премии в конце 1965 года.

Между тем именно герасимовская картина открыла шлюзы в советском кинематографе для многочисленных экранизаций шолоховской прозы. Только в первой половине 60-х на разных киностудиях страны были сняты сразу несколько великолепных фильмов по произведениям великого писателя: «Нахаленок» Евгения Карелова (1962), «Донская повесть» Владимира Фетина (1965). Но самым выдающимся фильмом из этого ряда стала картина режиссера-дебютанта Сергея Бондарчука «Судьба человека» (1960). Как и герасимовский «Тихий Дон», эта экранизация стала сенсацией: почти 40 миллионов зрителей в прокате, Ленинская премия и призы почти десятка кинофестивалей в разных странах мира. Именно с этого фильма началась дружба Бондарчука с Шолоховым, которая продлилась почти четверть века. Причем это была дружба не только двух выдающихся творческих людей, а двух настоящих мужчин, истинных патриотов своей родины.

Тем временем по мере роста славы Шолохова – особенно после присуждения ему Нобелевской премии – за рубежом ширились нападки как на него лично, так и на его творчество. Этим занимались идеологические центры западных спецслужб, которые продолжали вбрасывать своим гражданам мысль о том, что Шолохов – плагиатор. В Советском Со-

юзе тоже находились люди, которые эту идею всячески поддерживали и старались распространить посредством провоза на территорию страны изданий, где пропагандировалась мысль о «плагиаторстве» Шолохова. Особенно эта кампания усилилась после того, как в начале 1966 года Шолохов выступил на XXIII съезде КПСС и поддержал суровый приговор суда двум советским писателям – Андрею Синявскому и Юлию Даниэлю (их осудили на несколько лет тюрьмы за то, что они тайком печатали свои антисоветские произведения на Западе). После этого в кругах так называемых советских либералов ненависть к автору «Тихого Дона» достигла наивысшей точки. Она стала тем водоразделом, который навсегда разделил советских интеллигентов на два лагеря: на тех, кто почитал Шолохова (патриоты-державники), и тех, кто его ненавидел (либералы-западники).

Бондарчук относился к первым и прекрасно видел мимикрию многих своих коллег: когда они с высоких трибун произносили высокие слова о гениальности Шолохова, но в душе тайно его ненавидели. Бондарчук всем своим поведением доказывал обратное: он не только вслух говорил о величии Шолохова, но и в своем творчестве старался подтверждать правоту этих слов.

В начале 60—70-х, когда после событий в Чехословакии часть советской либеральной интеллигенции буквально взбесилась от своего антисоветизма, Бондарчук решил вновь обратиться к шолоховской прозе. Он задумал осуществить

новую экранизацию «Тихого Дона», но уже на телевидении. Стоит отметить, что Бондарчук очень хорошо относился к картине своего учителя Сергея Герасимова, однако видел и ее недочеты: эпическое полотно Шолохова трудно было уместить в три серии (почти шесть часов экранного времени). Поэтому Бондарчук на волне того сериального бума, который начался в Советском Союзе еще в конце 60-х, решил снять телеверсию, протяженностью в 13–15 серий, в которую должен был уместиться почти весь роман.

У этой идеи были все предпосылки, чтобы осуществиться, поскольку ее автор был тогда в фаворе. В 1968 году фильм Бондарчука «Война и мир» был удостоен «Оскара», к тому же он снял в Италии эпическую драму «Ватерлоо» (1970), которая потрясла Запад не менее, чем версия толстовского романа. Убежден, произойди это тогда, и наш кинематограф обогатился бы новым шедевром. Ведь Бондарчук был выдающимся мастером, а свой сериал он бы снимал в лучшие годы советского кинематографа, когда под рукой у него оказались бы не только лучшие технические ресурсы, но и сотни прекрасных актеров. Однако в ситуацию вмешался целый ряд непредвиденных обстоятельств.

В начале 70-х «Мосфильм» по заказу ЦТ запустил сразу два долгосрочных кинопроекта, в основу которых легли экранизации известных произведений советских авторов: «Вечный зов» А. Иванова (19 серий) и «Хождение по мукам» А. Толстого (13 серий). Естественно, в такой ситуации

запускать в производство еще один многосерийный сериал ни студия, ни ЦТ были не готовы, и Бондарчук согласился с этим делом повременить. Об этом же режиссера просил и его учитель, автор предыдущей экранизации «Тихого Дона» Сергей Герасимов. Согласно легенде, тот сказал ученику: «Вот когда я умру, тогда, Сережа, и снимай свою версию «Тихого Дона».

Поскольку сидеть сложа руки Бондарчук не умел, он стал искать подходящий материал для своего нового кинопроекта. Сначала хотел экранизировать чеховскую «Степь». Но тут на него вышел сам министр обороны СССР А. Гречко. Напомнив режиссеру, что в 1975 году страна собирается отмечать 30-летие Победы, он предложил ему экранизировать свою мемуарную книгу «Битва за Кавказ». Однако Бондарчуку это произведение как материал для фильма не понравилось. А поскольку у него было правило не работать с материалом, который не ложился ему на сердце, ситуация складывалась патовая. И вдруг она разрешилась самым неожиданным образом.

В 1975 году страна готовилась отмечать еще одну знаменательную дату – 70-летие М. Шолохова. Однако это событие не желали пропускать мимо своего внимания и недруги СССР, которые собирались отметить ее новой антишолоховской кампанией. И поведал Бондарчуку об этих планах недругов другой высокий чин – первый заместитель председателя КГБ СССР Семен Цвигун.

Этот человек не только симпатизировал державникам, но и имел непосредственное отношение к кинематографу: на основе его романов о партизанском движении в Великую Отечественную войну на главной киностудии страны «Мосфильме» в 1973 году затеяли снимать трилогию. Основываясь на докладах оперативных источников, Цвигун рассказал Бондарчуку о том, что в советских диссидентских кругах готовятся к переправке на Запад несколько новых книг против Шолохова (среди этих книг будут: «Стремя «Тихого Дона» И. Томашевской с предисловием и послесловием А. Солженицына и «Кто написал «Тихий Дон» Роя Медведева). По мнению Цвигуна, эти книги должны были поднять новую антишолоховскую волну, которая ставила своей целью скомпрометировать писателя-патриота как за рубежом, так и у него на родине. В итоге Бондарчук решил взяться за постановку романа Шолохова «Они сражались за Родину», тем самым решая обе задачи: не оставлял без внимания День Победы и поднимал свой голос в защиту своего друга и духовного наставника.

Таким образом, Бондарчук вновь оказался одним из тех, кто своим творчеством вступился за честное имя писателя. Фильм «Они сражались за Родину» явился достойным перенесением прозы великого Шолохова на широкий экран, одним из лучших советских фильмов о Великой Отечественной войне. Поэтому не случайно в этой ленте согласились играть большинство русско-советских актеров, кому тоже бы-

ло небезразлично честное имя Шолохова: Василий Шукшин, Вячеслав Тихонов, Юрий Никулин, Нонна Мордюкова, Георгий Бурков, Иван Лапиков, Николай Губенко, Евгений Самойлов, Лидия Федосеева-Шукшина, Ирина Скобцева и сам Бондарчук, который, помимо режиссуры, сыграл в картине одну из главных ролей.

После книг Томашевской и Медведева во всем мире расплодились десятки «исследователей», которые с новым рвением бросились уличать Шолохова в мнимом плагиате. Особенно активизировались подобные деятели в конце 80-х, в годы горбачевской перестройки. Та антишолоховская вакханалия, которая проходила в те годы, затмила собой все предыдущие, вместе взятые. Той злобе и ненависти, которую источали новоявленные «шолоховеды», могли позавидовать иные западные борзописцы, которые в предыдущие десятилетия написали не одну разоблачительную книгу о мнимом плагиаторстве Шолохова. В советских изданиях появились десятки статей против писателя, в которых нападкам подверглось уже не только его творчество, но и многие факты личной жизни. В этот процесс включилось даже телевидение: на этом поприще особую «славу» снискала ленинградская передача «Пятое колесо», которая целый выпуск посвятила разоблачению Шолохова-«плагиатора».

Среди других «исследователей» можно выделить бывшего советского гражданина, а ныне гражданина Израиля Зеева Бар-Селлу, который в 1988 году выпустил на своей но-

вой родине книгу «Тихий Дон» против Шолохова. Текстология преступления». Два года спустя фрагменты этой книги с радостью стали публиковать отдельные советские либеральные издания, причем с предисловием, где высокую оценку этому опусу давал все тот же А. Солженицын. В этой книге утверждалось, что Шолохов писателем никогда не был, а все произведения, выпущенные под его именем, родились… в ОГПУ—НКВД.

Все эти нападки на великого русского писателя были не случайны. Во-первых, самого Шолохова уже не было в живых (он ушел из жизни в феврале 1984 года), во-вторых, в те годы великая страна опять стояла на перепутье, и в планы западных стратегов «холодной войны» и их идейных помощников в самом Советском Союзе входила компрометация знаковых фигур советской истории, которые долгие годы были олицетворением русского патриотизма. В литературе это были Александр Пушкин, Михаил Лермонтов, Михаил Шолохов, в кинематографе – Сергей Бондарчук, Евгений Матвеев, Юрий Озеров. Верно раскрывая подоплеку этих нападок на М. Шолохова, критик П. Басинский писал:

> *«Шолохов, а не просто таинственный автор «Тихого Дона», – это высшее оправдание советской литературы в ее патриотическом ключе. Если автором был М.А. Шолохов, то советская литература оправдана навеки как эпохальная культура, способная*

порождать гениальные мировые произведения… Здесь, рядом с автором «Тихого Дона», некого поставить… Вот отчего вокруг имени Шолохова идет такая драка, и драка серьезная. Это – вопрос мирового культурного развития».

Поскольку перестройка «по Горбачеву» зиждилась в первую очередь на антипатриотизме, пришедшие к власти либералы вволю отыгрались на тех, кто долгие годы сидел у них как кость в горле. И первым среди этих людей суждено было стать многолетнему другу и соратнику Шолохова Сергею Бондарчуку. Первый удар по нему был нанесен в мае 1986 года на 5-м съезде Союза кинематографистов СССР.

Теперь уже известно, что этот съезд целиком и полностью был срежиссирован на Старой площади – в ЦК КПСС. Горбачевская либеральная команда готовилась к широкомасштабной атаке на фундаментальные основы советского строя как в экономике, так и в духовной сфере, а для этого ей надо было избавиться от истинных патриотов, которые могли помешать этому «революционному» процессу. Начать решили с кино, поскольку, как говорил Ленин, оно является важнейшим из искусств. К тому же Союз кинематографистов в отличие от других творческих союзов был почти весь пропитан либеральным духом «шестидесятничества», на котором, собственно, и выросла перестройка «по Горбачеву».

Кинематографический форум еще не начался, а уже гря-

нул первый скандал: мандаты делегатов не получила целая группа влиятельных кинематографистов, среди которых был и Сергей Бондарчук. Он с 1971 года был членом правления СК СССР и не пропустил ни одного не то что съезда, даже пленума. Это было откровенное оскорбление и прямой намек на то, что время таких патриотов, как Сергей Бондарчук, в руководстве кинематографии подошло к концу. Собственно, он и до съезда догадывался по ряду примет, что грядет смещение не только его, но соратников по правлению, но не ожидал, что это будет сделано в столь оскорбительной форме. Но это было только начало.

На съезде сразу несколько ораторов-революционеров обрушились на Бондарчука и других именитых режиссеров вроде Евгения Матвеева и Владимира Наумова (последнего даже согнали с трибуны во время выступления свистом и криками с места, не дав ему закончить его речь) с зубодробительной критикой. А когда единственный из ораторов, Никита Михалков, попытался заступиться за Бондарчука (сказал, что неизбрание его на съезд является «ребячеством, которое дискредитирует все искренние, благие порывы оздоровить унылую, формальную атмосферу, царящую в нашем Союзе кинематографистов»), как ему тут же дали отлуп. Сделал это коллега Михалкова режиссер Владимир Меньшов, который упрекнул Бондарчука ни много ни мало в получении Государственной премии за фильм «Красные колокола».

И эту картину Бондарчук снял неспроста. На дворе стоял

1980 год, и страна переживала не лучшие времена: руководство страны дряхлело, а народ пребывал в апатии. Как гражданин, как честный художник Бондарчук не мог спокойно на это смотреть. Взявшись за постановку широкомасштабного кинополотна «Красные колокола», где речь шла о мексиканской революции 1910 года и Октябрьской революции 1917 года, он надеялся заставить руководство страны вновь обратиться к революционным идеалам. Вспомнить, за что бились и за что умирали их предшественники в далеком 17-м. Не помогло.

Говорят, Брежнев так и не смог высидеть до конца четыре серии фильма и ушел, сославшись на нездоровье (он и вправду тогда был уже совсем плох). Так же поступили и остальные его соратники, которые по своему возрасту и сопутствующим ему болячкам недалеко ушли от своего генсека. А более молодым членам Политбюро кино про революцию и вовсе было неинтересно: им нравились западные боевики про Джеймса Бонда. Однако и оставить «Красные колокола» без внимания партаппарат не мог: отсюда и награждение фильма Госпремией в 1984 году. Спустя два года новоявленные реформаторы поставили эту награду Бондарчуку в упрек.

Это был беспроигрышный ход: после почти двухлетнего пребывания у власти Горбачева началась антибрежневская кампания (именно тогда в широкий обиход было введено определение брежневскому правлению – застой), и любого гражданина, который был удостоен высоких наград в те годы,

можно было объявить апологетом застоя. При этом творцы перестройки поступали хитро: в эту категорию они зачисляли только тех, кто не числился по их либеральному лагерю – исключительно державников. В итоге из кинематографистов туда были зачислены, кроме Бондарчука, Юрий Озеров (за киноэпопеи «Освобождение» и «Солдаты свободы»), Евгений Матвеев (за фильмы «Особо важное задание», с которого в советском кино началась «эпоха всесоюзных премьер», и «Победа») и др.

Тем временем, сместив старое правление почти целиком, делегаты съезда принялись выбирать новое руководство. После голосования долго не объявляли его результатов. Главным кукловодом при этом выступал член Политбюро, главный идеолог перестройки Александр Яковлев, который распоряжался, кого надо оставить в правлении, а кого не следует. Наконец результаты были объявлены. Из них следовало, что в новое правление не вошел никто из прежнего: ни Сергей Бондарчук, ни Евгений Матвеев, ни Лев Кулиджанов, ни Юрий Озеров, ни Станислав Ростоцкий. Зато туда вошли вечно диссидентствующие Элем Климов, Андрей Смирнов, Сергей Соловьев и другие будущие «перестройщики». Актриса Елена Драпеко стала свидетелем весьма характерной сценки, которая случилась сразу после объявления результатов голосования. Цитирую:

«Режиссер Андрей Смирнов, беря всю вину за кинодеятелей и как бы извиняясь перед руководством партии, запри-

читал перед Александром Яковлевым: «Это надо же, что мы наделали… Что наделали!» А тот многозначительно усмехнулся из-под мохнатых бровей: «Это вы наделали? Это мы сделали!»…»

После этого съезда для Сергея Бондарчука начались тяжелые времена. Он хотя и остался руководителем объединения на «Мосфильме», однако вокруг него образовался вакуум. Многие недавние коллеги перестали замечать его на службе, не звонили домой. А когда в 1987 году на экраны страны вышел его новый фильм «Борис Годунов», критика не оставила от него камня на камне. Почему?

Одной из главных тем фильма была тема вышедшего в тираж правителя. Как заявил в одном из своих тогдашних интервью сам Бондарчук: «Трагедия Годунова – крах правителя, от которого народ отвернулся». Горбачев увидел в этом явный намек на самого себя (кстати, Бондарчук окажется провидцем: спустя полтора года после выхода фильма на широкий экран рейтинг Горбачева в народе начнет стремительно катиться вниз и в итоге приведет к его окончательному краху). В итоге была дана команда смешать эту работу Бондарчука с грязью. В десятках различных изданий появились разгромные статьи о фильме «Борис Годунов», где Бондарчука в чем только не уличали: один критик в журнале «Советский экран» дошел даже до того, что обвинил режиссера в непонимании творческих замыслов А. Пушкина, а его фильм назвал набором «стилизованных иллюстраций

или диапозитивов».

Другой причиной нападок на фильм было то, что он входил в клинч с еще одной версией бессмертного пушкинского произведения: спектаклем «Борис Годунов», осуществленным Юрием Любимовым в Театре на Таганке и поднимаемым на щит либералами. Бондарчук никогда не скрывал своей антипатии к этому спектаклю, где народ был показан в виде раболепствующей толпы. Как заявил Бондарчук в одном из своих тогдашних интервью: «Авторскую ремарку «Народ безмолвствует» я расшифровал как акт пробуждения совести в народе. Народ безмолвствует, когда ему приказывают славить Самозванца…» И далее в своем интервью Бондарчук имел смелость бросить камень в «огород» вольных интерпретаторов Пушкина вроде Юрия Любимова: «Можно читать Пушкина хуже или лучше – это уже как кому дано. Но убежден, что нельзя читать его «вольно» – надо верно».

Подобных высказываний либералы простить Бондарчуку не могли. В итоге его версия «Бориса Годунова» была смешана с грязью, а спектакль Юрия Любимова… был объявлен лучшим спектаклем 1988 года.

Все эти передряги больно били по Бондарчуку. Как вспоминает его дочь Наталья: «Во время травли в какой-то газетенке его посмели сравнить с дохлым львом, на которого тявкают. Я спросила: «Как ты чувствуешь себя после этого пасквиля?» – «Знаешь, я прочел эту статью в самолете и хотел выйти в открытый космос».

Говорят, в те годы Бондарчук уже не хотел ничего снимать и в одном из разговоров даже признался, что разлюбил кинематограф. Однако очередная кампания против М. Шолохова, начавшаяся в стране, заставила его вновь вернуться в строй. Как честный патриот своей страны, как друг и духовный наследник великого писателя, он не мог остаться равнодушным к той вакханалии, которая происходила вокруг имени и творчества Шолохова в перестроечные годы. Бондарчук решил вернуться к идее телесериала по «Тихому Дону».

Надежды снять эту картину с помощью родных ЦТ, Госкино и Союза кинематографистов у Бондарчука не было. У руля каждого из этих ведомств стояли перестройщики, которые не хотели ничего слышать ни о Шолохове, ни о Бондарчуке, хотя в открытую режиссеру об этом никто не говорил, из-за чего он поначалу питал иллюзии, что проект удастся осуществить на государственные деньги. «Мосфильм» даже отправил в Вешенскую своего представителя, чтобы тот согласовал с местными властями условия предстоящих съемок. Но радость Бондарчука длилась недолго – вскоре ему сообщили, что у государства нет денег на сериал по «Тихому Дону». Вот тогда он и стал искать помощи у западных партнеров, с которыми у него были давние связи – еще с конца 60-х, когда он снимал в Италии «Ватерлоо».

Именно в этой стране Бондарчук и в этот раз решил искать поддержки своим замыслам. При этом он прекрасно отдавал себе отчет, что если его идея «выгорит», то ему при-

дется пойти на определенные уступки зарубежным партнерам. Но он готов был на это пойти, поскольку цель у него была благая: во-первых, он хотел защитить честное имя Шолохова (а зарубежная постановка могла помочь это осуществить не только в СССР, но и на Западе, где фильм должен был прокатываться), во-вторых, посредством великого романа режиссер хотел остановить своих соотечественников от братоубийственной войны, которая, как считал Бондарчук, уже маячила на пороге как результат горбачевской перестройки. На примере полной драматизма судьбы Григория Мелехова режиссер собирался воззвать к умам и сердцам русских людей, которые вновь, как и 70 лет назад, начали делить друг друга на «белых» и «красных».

Эпопея с фильмом закрутилась в январе 1990 года, когда в Риме Бондарчук подписал договор с компанией «Интернационал синема компани» («И-чи-чи»). Одно из условий этого договора было то, что главные роли в картине – Пантелея и Григория Мелехова, а также Аксинью – должны были играть западные звезды. Бондарчук понимал, чем это чревато для его картины. Он еще в период съемок «Ватерлоо» воочию убедился, что это такое – западная актерская школа: ему, к примеру, пришлось изрядно намучиться с канадским актером Кристофером Пламмером, который играл герцога Веллингтона. Да и с Родом Стайгером, игравшим Наполеона, Бондарчук тоже не сразу нашел общий язык. Но в «Тихом Доне» ситуация складывалась еще более сложной: там

иностранцам нужно было играть донских казаков, о которых они имели либо смутное представление, либо вообще ничего не знали. И Бондарчук это понимал. Но пошел на это, поскольку мечтал всеми правдами и неправдами снять «Тихий Дон».

Съемки фильма начались в неудачное время – в августе 1991 года, когда в Москве грянул путч. Проект, едва начавшись, оказался на грани закрытия, поскольку вся иностранная часть группы перепугалась и готова была уехать из страны. В итоге место съемок покинули только американцы, а итальянцев Бондарчуку удалось уговорить остаться. Но в декабре грянул уже развал Союза. Вот здесь уже сам Бондарчук по-настоящему испугался за судьбу картины. И, как оказалось, не зря.

Развал СССР и приход к власти Ельцина был встречен за рубежом с ликованием, поскольку новая власть в своих действиях взяла откровенно прозападный курс. Слово «патриотизм» в России тогда перешло в разряд ругательных. Естественно, при таком раскладе ни о какой поддержке экранизации Шолохова речи и быть не могло. Бондарчук понял, что на родине его картину в ближайшее время вряд ли увидят. Однако это был не единственный удар по режиссеру: он вдруг ясно осознал, что и на Западе она тоже имеет мало шансов быть показанной. Слишком внушительные силы стояли за ее противниками. Но режиссер продолжал биться за свой проект до конца.

Последние месяцы съемок шли с огромным напряжением. Достаточно сказать, что трижды иностранные сотрудники группы объявляли забастовки по разным поводам. В последний раз это случилось примерно за месяц до конца работы, когда было прекращено финансирование проекта. Западные партнеры хотели уже покинуть место съемок, но затем передумали. Вполне вероятно, что на них подействовал пример их русских коллег, которые согласились работать бесплатно. В конце концов с грехом пополам съемки были закончены. Они уместились в 12 серий, а это – более 160 тысяч полезных метров пленки. Весь материал Бондарчук монтировал в Риме. Но чего это ему стоило!

Когда представители компании «И-чи-чи» отсмотрели черновой вариант фильма, они с ним категорически не согласились. Их не устроил сам подход Бондарчука к этому произведению. Им хотелось, чтобы это была мелодрама с элементами боевика, а не народная трагедия. Поэтому они решили монтировать фильм своими силами, а Бондарчука держали… на подхвате. В итоге картину сводил итальянский монтажер, который допускал Бондарчука в монтажную только для просмотра уже готового материала. С выдающимся режиссером подобное происходило впервые в жизни: он-то привык каждую монтажную склейку делать сам. В итоге уже тогда из сериала стали выпадать целые куски, которые не устраивали итальянскую сторону. Таких кусков набралось… аж на две серии (более 30 тысяч полезных метров пленки!).

А ведь Бондарчук умудрился уместить в сериал почти весь роман, в том числе и многие сцены, которые не смогли попасть в герасимовскую версию.

Когда режиссер увидел готовый вариант фильма, настала уже его очередь возмущаться. Он тут же обратился к помощи адвоката. Два месяца ушло на то, чтобы восстановить хотя бы часть выброшенного. Но другая часть так и осталась невостребованной. Поэтому Бондарчук прекрасно видел, что по многим критериям его версия уступает версии его учителя (в том числе и по актерскому составу), но он был уверен, что и этот вариант найдет своего зрителя. Подчеркиваю, главным для него было – чтобы гениальный роман вновь взволновал сердца людей. Но он и в страшном сне не мог предполагать, какие еще более страшные мытарства ждут его впереди.

В апреле 1993 года начался активный «промоушен» картины – в Риме состоялось роскошное шоу, в котором участвовали все основные актеры, занятые в фильме. Казалось, что все идет к благополучному финалу и выходу картины на широкий экран. Однако это оказалось не так. Уехав в Москву, Бондарчук стал чуть ли не еженедельно интересоваться, когда будут проведены последняя озвучка фильма и запись музыки. Но в ответ была тишина. Наконец в ноябре ему ответил сам продюсер картины Энцо Рисполи. Бондарчук вновь приехал в Рим, окончательно домонтировал 10-серийную телеверсию и получил обещание, что в скором времени фильм

выйдет на широкий экран. Но его опять обманули.

Судя по всему, Рисполи уже тогда знал, что западному истеблишменту фильм по Шолохову не нужен, и решил его упрятать подальше. Он зарегистрировал новую компанию и увез копию фильма в Лондон. Бондарчук обратился в российский МИД помочь ему отыскать картину, и там ему пошли навстречу. Но дальше чистых формальностей дело не пошло, поскольку российские власти не жаловали ни Бондарчука, ни Шолохова (в 1995 году, когда писателю исполнилось 90 лет, ни один телеканал не соизволил откликнуться на эту дату, а в прессе вновь началась антишолоховская кампания). В итоге фильм хотя и нашли, однако ничего предпринимать для его возвращения на родину не стали.

Все эти передряги сильно сказались на здоровье режиссера. По словам его супруги Ирины Скобцевой, «Сергей Федорович каждое утро просыпался с тяжелым вздохом: «Ну что же мне делать с этими бандитами?»…» Трагизм ситуации был в том, что режиссер угодил в страшный капкан, где бандиты окружили его со всех сторон: и свои, и западные. Когда Бондарчук это осознал окончательно, он слег. В результате всего пережитого у него начался рак легких. 20 октября 1994 года великого режиссера не стало.

Увидеть премьеру своей последней картины Бондарчуку так и не удалось. Зато это удалось нам. Но мы увидели только семь серий вместо двенадцати. То есть мелодраму, сдобренную сценами, где в основном зверствовали большевики.

Зверства белых из фильма вылетели, хотя Бондарчук их снимал. Например, в фильме была сцена, где белоказаки под руководством атамана Белясова рубят шашками одного за другим беззащитных музыкантов, но нам показали эту сцену только до момента, когда обреченные музыканты начинают играть «Интернационал». Сцена, где восставшие казаки казнят коммуниста Подтелкова и его товарищей, тоже из фильма вылетела, зато оставлен эпизод расстрела красноармейцами Петра Мелехова и казаков его сотни. Были сняты Бондарчуком и сцены, где Григорий Мелехов воюет на стороне красных – в Первой конной армии Буденного. Но мы их тоже не увидели.

Приезд большевика Штокмана в станицу в 12-серийной версии был датирован 2-й серией (с драки казаков на мельнице, как у Герасимова), и вообще его деятельность была отражена, как в романе: то есть Бондарчук подробно снимал то, как Штокман занимается большевистской агитацией среди казаков. Но эти эпизоды вылетели, и можно догадаться почему – не ко двору оказались большевики. Поэтому в новой версии фильма нам начали показывать Штокмана с 3-й серии, и мы никак не можем понять, откуда он знает всех станичников.

Короче, перечислять все эпизоды, которые снял Бондарчук и которые не вошли в семисерийный вариант, займет много места (это более 40 тысяч полезных метров пленки!). Зададимся лучше вопросом: как это произошло? То ли ви-

новаты итальянцы, которые передали не авторский экземпляр, а только рабочие варианты, состоящие из мелодраматических и антибольшевистских эпизодов, либо это самодеятельность уже российской стороны. Увы, но тайна сия покрыта мраком. Во всяком случае, пока. Но сами актеры говорят об этом в открытую. Например, В. Гостюхин (играл Петра Мелехова) заявил: «В картину попал далеко не весь материал, я же вижу. Еще когда участвовал в озвучании, понял, что кое-что пропало. Такое ощущение, что некоторые сцены смонтированы из эпизодов. Набирали картину из лоскутов…»

Обвинять в сложившейся ситуации Сергея Бондарчука будет несправедливо: он от текста шолоховского романа не отходил, у него и в мыслях такого не могло быть. Он даже снял сцену, которая самим Шолоховым была включена в поздние издания романа: сцену изнасилования Аксиньи отцом. Но этот эпизод в семисерийный вариант тоже не вошел. Поэтому возьму на себя смелость заявить, что, если бы Сергей Федорович дожил до наших дней, он никогда бы не вышел к зрителю с такой лоскутной версией сериала: просто совесть бы не позволила. Ведь в купированной версии зверства совершают исключительно большевики, хотя роман отражает жестокость обеих сторон и потому и назван народной трагедией. И не стоит забывать, что авторами романа и фильма были не белоэмигранты, а коммунисты: Шолохов вступил в большевистскую партию в 1932 году, а Бондарчук – в 1970-

м.

Когда в начале 90-х ельцинская власть обрушилась с нападками на Компартию и многие коммунисты-перерожденцы бросились отрекаться от своего прошлого (кое-кто из деятелей искусства даже публично, перед телекамерами, сжигал свои партбилеты), Бондарчук в одном из своих последних интервью заявил следующее:

«Лично я не собираюсь менять ни своего отношения к жизни, ни к искусству, ни к людям. Я читал и буду читать те книги, которые любил, буду делать те фильмы, которые, я считаю, нужны людям. Почему я должен отрекаться от того, что делал?..»

Закончить свои заметки хочу следующим выводом. Когда Бондарчук брался за экранизацию «Тихого Дона», им двигали благородные чувства. Эти чувства вдохновляли его все долгие годы его жизни в искусстве: любовь к родине, любовь к своему народу. Он был патриотом своей страны до мозга костей, и весьма символично, что начал он свой путь в режиссуре с экранизации шолоховской прозы («Судьба человека»), ею он и закончил. И не его вина, что его многострадальное детище дошло до нас в столь сокращенном виде. Будем благодарны Сергею Федоровичу хотя бы за то, что после того, что сотворили нынешние власти с творческим наследием М. Шолохова (его произведения исключены даже из школьной программы, а либеральные СМИ до сих пор называют его плагиатором), именно он вновь вернул интерес к

нему миллионов россиян.

*(«Советская Россия», приложение «Отечественные записки» от **23 ноября 2006 года**)*

Цунами насилия, или Два мира – две преступности

Каждый год статистики публикуют итоговые цифры, из которых явствует, что дела в России по большинству показателей обстоят далеко не лучшим образом. Особенно наглядно это видно по цифрам уровня преступности – они буквально зашкаливают. И просвета в этом деле не видно. Достаточно сказать, что если в последний год существования СССР (1991) в стране, насчитывающей 15 союзных республик (289 миллионов человек), было зафиксировано 25 437 убийств, то в сегодняшней России (а ее численность на 140 миллионов меньше) эта отметка перевалила за 30 800 убийств (статистика 2005 года). Если к этим страшным цифрам добавить еще 140–150 тысяч смертей, подпадающих под понятие криминальных, и 50 тысяч самоубийств, то цифры эти по-настоящему ужасают – они сравнимы с потерями во время боевых действий в локальной войне вроде чеченской.

Между тем в России даже детская смерть уже почти ничего не значит для некоторых россиян. Только за пять лет (2001–2005) здесь было убито более тысячи детей! При этом 1086 преступлений совершены

родителями. В итоге в 2005 году Россия стала одним из мировых лидеров по числу особо тяжких преступлений: у нас приходится 21 убийство на 100 тысяч человек. И хотя до безусловного лидера, Колумбии, нам еще далеко (там совершается 63 убийства на 100 тысяч граждан), однако если дело так и дальше пойдет, то мы с нею быстро сравняемся. Ведь сумели же мы обогнать американцев, у которых теперь фиксируется всего 6 убийств на 100 тысяч человек. Между тем каких-нибудь 30 лет назад именно американцы были во главе этого скорбного списка, а мы почти в самом его конце. Правда, тогда страна у нас была другая – Советский Союз.

Застой как благо

Одним из важных достижений СССР была его преступность, вернее, ее уровень. Несмотря на то что искоренить ее на корню, как мечталось не только большевикам в начале 20-х, но и Хрущеву в конце 50-х, так и не удалось, однако обуздать очень даже получилось. В то время как те же США еще в конце 50-х стали «миллионерами» – число зарегистрированных преступлений там достигло миллиона, в СССР счет шел на сотни тысяч. Например, в 1958 году у нас было зарегистрировано 880 322 преступления, а уже в следующем году, когда партия объявила беспощадную войну нарушителям закона, преступность снизилась до 614 552 случаев. И эти показатели держались два года. С 1961 года начался рост преступности, однако «миллионерами» мы стали только в 1970 году – тогда было зарегистрировано 1 046 336 преступлений.

Однако, даже несмотря на это, в сравнении с западной преступностью советская продолжала выглядеть на уровне младенца с игрушечным пугачом в руках. В СССР не было ни организованных преступных банд, деливших города на зоны влияния, ни крупных наркокортелей, ни разветвленных сетей публичных домов, ни сутенеров, ни киллеров, ни банд автоугонщиков, ни многочисленных серийных убийц, ни террористов и т. д. и т. п. – короче, того, что мы с лихвой имеем сегодня в капиталистической России.

Несмотря на то что СССР считался мировой сверхдержавой с населением почти 290 миллионов человек, преступность в нем долгие годы сохранялась такая, что это позволяло причислять страну победившего социализма к сонму самых безопасных стран мира. Поэтому, если в других областях деятельности мы шагали впереди планеты всей (в космонавтике, спорте, искусстве и т. д.), то в проблемах преступности значительно отставали от развитых стран. Но это было благое отставание, которое мы, советские люди, увы, не ценили. Это был тот счастливый застой без кавычек, который позволял нам безбоязненно ходить вечерами по улицам и оставлять двери своих квартир (кстати, деревянных, а не металлических, как сегодня) открытыми (при этом домофонов в подъездах тогда не было).

Конечно, преступность в СССР была, и с каждым годом по мере повышения благосостояния в стране она росла. Однако этот рост в сравнении с ростом преступности на «цивилизованном» Западе напоминал собой черепашью ходьбу. Ведь господа капиталисты еще в 60-е столкнулись с такой рекордной преступностью, которая не снилась им даже в кошмарном сне. Запад буквально захлебывался в крови, терзаемый серийными убийцами, террористами и гангстерами, в то время как граждане СССР страдали в основном от карточных шулеров да торговых махинаторов. А если и появлялся у нас какой-нибудь маньяк вроде «Мосгаза», так это было только раз (!) в пятилетие, причем ловили таких преступни-

ков всем миром и в течение двух-трех месяцев. На Западе все было иначе.

Взять, к примеру, США, где с конца 60-х преступность стала побивать все мыслимые и немыслимые рекорды. Только в 1968 году от огнестрельного оружия там было убито более 1000 человек, а всего в тот год в Америке было совершено 4,5 миллиона преступлений. В Советском Союзе цифры были значительно ниже: в том году у нас было зарегистрировано 941 078 преступлений, а счет погибших от огнестрельного оружия шел не на тысячи, а всего лишь на десятки человек, поскольку продажа огнестрельного оружия у нас была запрещена и весь его арсенал находился под строгим контролем государства.

Особенно беспредельной стала преступность в США в 1972 году. Тогда в стране, которая на всех углах пропагандировала себя как оплот демократии, было зафиксировано более 6 миллионов только тяжких преступлений, что являлось АБСОЛЮТНЫМ РЕКОРДОМ за всю предшествующую историю США и одновременно МИРОВЫМ РЕКОРДОМ, тоже абсолютным. Убийцы за год практически истребили целый небольшой город, их жертвами стали более 18 тысяч человек. Каждые 48 секунд совершалось изнасилование, а ограбление – каждую 80-ю секунду!

Не менее кровавым выдался в США и следующий год. Уже за первые 6 недель в небольшом городе Санта-Крусе было совершено сразу 13 убийств. В другом городе – Детройте

за год было совершено более 190 убийств, что было на 27 % больше, чем в 1972 году. Рекорд по убийствам был поставлен в Хьюстоне: там арестовали банду из трех человек, которые в течение трех лет отправили на тот свет 40 подростков (прежний рекорд США был поставлен в Калифорнии, где некто Хуан Корона убил 25 человек). Для сравнения сообщу, что в Москве начала 70-х в год совершалось порядка 300 убийств (на 8-миллионный город), в то время как сегодня, всего-то 30 лет спустя, эта цифра достигла 1200.

В конце 72-го в американском журнале «Ньюсуик» была опубликована статья под весьма характерным названием «Рядом с преступностью», где со всей наглядностью была описана та атмосфера страха, которая царила среди рядовых граждан США. Главным героем статьи стала пожилая американка, которая… умерла у себя дома в полном одиночестве от страха перед уличными преступниками.

В Советском Союзе подавляющая часть советских людей никакого страха не испытывала: ни перед настоящим, ни перед будущим. В США было иначе, и тогдашняя ситуация была зеркально похожа на то, что будет твориться в ельцинской России начала 90-х. Сошлюсь на тот же «Ньюсуик»:

«Широкое распространение преступности в Америке стало повсеместным явлением. Для американских граждан обычными сделались четыре замка на входной двери (против одного в СССР. – *Ф.Р.*), обычным стало отказываться от вечерней партии в бридж, в лучшем случае в него играют

до захода солнца, в такси и автобусах уже не разменивают денег, обычной стала и вооруженная охрана в высших учебных заведениях – и почти у всех людей постоянное чувство неуверенности.

То, что американцы живут рядом с преступностью, свидетельствует о непостижимой способности людей применяться к самым невыносимым условиям жизни. Для безопасного передвижения по улицам современных американских городов уже недостаточно одних правил дорожного движения; необходимо соблюдать еще целый ряд специальных мер предосторожности: держаться подальше от темных подворотен, не ходить по краю тротуара, носить с собой второй кошелек примерно с пятью долларами «для грабителей», держать наготове ключ при подходе к входной двери своего дома…

Поговорка «Мой дом – моя крепость» понимается многими дословно. В Вашингтоне, на Тайбер-Айленд, строится фешенебельный небоскреб на 820 квартир, круглосуточно охраняемый вооруженной охраной. У каждого жителя будет два специальных пропуска: один – для входа в гараж, другой – для пользования лифтом. Кроме того, входные двери на всех этажах будут оборудованы специальными замками… Кальвин Тилден и его жена Мэри, проживающие в аристократическом районе Пресайдью-Хайтс, где недавно взломщики ограбили целый дом, увезя в крытых фургонах всю обстановку, установили в своем доме толстую желез-

ную дверь, дополнительные замки и внешнее переговорное устройство… Тилден сконструировал хитроумную систему фоновизуального опознания любого посетителя.

А что же полиция? На нее в этом деле не следует уповать, несмотря на беспрецедентную по размаху и затратам государственную кампанию по борьбе с преступностью в городах Америки. Полиция получает ежегодные правительственные субсидии в размере 850 миллионов долларов, растет численно, оснащается совершеннейшей техникой: вертолетами, компьютерами, радио– и телевизионной аппаратурой и другой техникой для патрулирования. Но бизнесмены и домовладельцы считают эти меры властей недостаточными. Именно они способствуют расцвету новой отрасли индустрии в виде создания армии частных охранников и хитроумной системы сигнализации. Рядовые граждане создают в своих кварталах отряды самозащиты и по очереди патрулируют районы, в которых проживают. Правда, результаты подобных рейдов малоэффективны».

Для советского читателя, имей он возможность доступа к журналу «Ньюсуик», все эти факты казались бы настоящей фантастикой. Какие такие «системы фоновизуального опознания», что за грабители, ограбившие целый (!) дом в аристократическом (!) районе, что за мелкие деньги «для грабителей» и «отряды самозащиты»?! Однако в наши дни все эти факты фантастикой уже не кажутся – это повседневная российская действительность. Мы все-таки сумели догнать

и перегнать американцев: по количеству гангстеров, проституток, грабителей и маньяков. И, как государство с ними ни борется, их меньше не становится. А ведь на обеспечение безопасности и правоохранительную деятельность в России выделяется почти 13 % федерального бюджета (для сравнения: на образование тратится 4,7 %, на здравоохранение и спорт – 2,7 %). Но все впустую, поскольку корень проблемы в самом режиме с его апологетикой явного и латентного криминала. Вот почему со стороны все это напоминает пресловутую кампанию под названием «пчелы против меда».

Апологеты беззакония

Причины разгула преступности в современной России лежат на поверхности. Сегодня у нас снова появились те самые коренные причины преступности, которые с таким трудом были изжиты большевиками в далекие 20-е годы прошлого столетия: голод, нищета, эксплуатация человека человеком. Не замечать этого могут только идиоты или откровенные апологеты дикого кипитализма по-российски вроде таких доморощенных нуворишей, как певец Андрей Макаревич или кинорежиссер Егор Кончаловский. Первый в одном из последних своих предновогодних интервью одной либеральной российской газете заявил, что сегодняшнее время совершенно не хуже советского. «Хотя бы потому, что я сейчас сижу с представителем одной из центральных газет, мы имеем возможность это свободно обсуждать, и я уверен, что через несколько дней это появится на ее страницах…» – заявил певец.

Спору нет, Макаревич и в самом деле дожил до появления своего интервью. Но как быть с теми 1086 детьми, которых убили в России их же родители, или почти 150 тысячами других россиян, которые гибнут в других криминальных разборках? Или это, может быть, плата за ту самую «демократию», которая позволяет Макаревичу беспрепятственно колесить по миру и раздавать умиротворенные интервью

всем российским СМИ о своем барском житье-бытье? Получается, что эти многочисленные жертвы Макаревичу «до лампочки», поскольку сам он живет в относительной безопасности: за высоким каменным забором на своей роскошной даче в Подмосковье, а также за границей, куда он ездит регулярно, дабы записать очередной музыкальный альбом или заняться любимым дайвингом (подводным плаванием).

Еще дальше в своих заявлениях пошел другой представитель российской буржуазии – кинорежиссер Егор Кончаловский. Тот вообще прямым текстом заявил, что во времена советской власти, когда снималось и активно навязывалось зрителю огромное количество удивительно доброго и светлого коммунистического барахла, насилия в стране было в разы больше, чем сейчас».

К сожалению, отпрыск знаменитого рода не уточнил, о каком именно времени из жизни СССР идет речь. Однако в любом случае он морочит людям голову. Если речь идет о сталинских годах, то именно в те годы (в 30—40-е) уголовную преступность в стране удалось обуздать и взять под строгий контроль государства, из-за чего она даже не приближалась к сегодняшней, беспредельной. И подавляющему числу советских людей было абсолютно не важно, каким именно образом государство этого добилось: с помощью суровых законов или посредством пропаганды законопослушного образа жизни, в том числе и с помощью кино и литературы (того самого «доброго и светлого коммунистического барахла», по

Кончаловскому). И пускай в этом деле были свои издержки (например, в сталинские годы в кино и литературе напрочь отсутствовал такой жанр, как детектив, поскольку власть не хотела даже в таком виде пропагандировать представителей криминального мира), но польза от этого была куда большая: эти самые представители тогда считались изгоями общества. Но Кончаловскому это вряд ли дано понять, поскольку он свой путь в кино именно с этого и начал – снял два фильма «Антикиллер», где бандитизм подается именно в романтическом ореоле. Говоря современным языком, сотворил кино из разряда «злого и мрачного капиталистического барахла».

Кончаловский – человек уже не молодой (родился в середине 60-х), поэтому наверняка должен помнить, что и в 70-е годы, в пору его взросления, преступность в СССР мало походила на сегодняшнюю. То есть с момента смерти Сталина прошло больше 20 лет, но в стране по-прежнему не было ни профессионального бандитизма, ни широкомасштабной проституции, ни массового терроризма и еще много того, с чем мы имеем «счастье» сталкиваться сегодня. Достаточно сказать, что с 1970 года преступность в СССР росла на 1 миллион преступлений за 10 лет, но в современной России она начала давать такой же прирост уже за 3 (!) года (эти цифры озвучил советник председателя Конституционного суда РФ В. Овчинский). А вот слова другого авторитетного человека – депутата Госдумы РФ А. Гурова: «Если взять скрытую (латентную) преступность, сейчас ежегод-

но в России совершается около 25 миллионов преступлений» (против 6–7 тысяч латентных преступлений в СССР образца 1991 года! – *Ф.Р.*).

Отсюда лично я делаю однозначный вывод о том, что чем больше в нашей жизни становилось «злого и мрачного капиталистического барахла», творимого мастерами искусств типа того же Е. Кончаловского, тем криминальнее становилась наша жизнь.

Все эти антисоветские пассажи в многочисленных интервью разного рода макаревичей и кончаловских, которые и в советские годы жили достаточно безбедно, объясняются только одним: нынешний режим, ограбивший миллионы простых россиян, лично их вознес на такой гребень материального успеха, о котором в советские годы они могли только мечтать. Взять, например, Макаревича. Всю свою славу он приобрел именно в «жуткие» советские годы, когда строил из себя (или из него строили) бунтаря с гитарой. В постсоветские годы Макаревич написал не один десяток песен, но львиная их доля бесследно канула в вечность, не востребованная практически никем. Но поскольку Макаревич был в первых рядах деятелей искусства, кто рьяно поддерживал Ельцина и его камарилью, то новая власть простила ему все, в том числе и нынешнюю творческую импотенцию. Вот он и старается ради этой власти, тем более что она низвела искусство до такого состояния, когда любую творческую немощь можно выдавать за выдающееся произведение искусства –

будь то бездарная песня или фильм из разряда капиталистического барахла. Кстати, те российские нувориши, которые теперь зовут Макаревича попеть на свои корпоративные вечеринки, прекрасно все понимают, поэтому и просят чаще всего, чтобы он пел в основном те песни, которые были сочинены им в советские («совковые», как любит выражаться Макаревич) годы.

Нашествие маньяков

Когда речь заходит об уровне преступности в СССР, антисоветчики обычно упирают на то, что в те годы все негативные показатели намеренно скрывались или корректировались в лучшую сторону. Спору нет, подобное имело место. Но существовало это не только в СССР. Например, напуганная рекордными показателями преступности в США администрация Никсона в 1974 году потребовала от полицейских комиссаров снизить эти показатели любой ценой. И снизили: путем сглаживания статистических данных.

Между тем даже корректировка показателей преступности в СССР не могла скрыть того факта, что уровень и формы преступности в Советском Союзе и той же Америке были совершенно разные. Детище капитализма оказалось куда кровожаднее и беспощаднее, чем ее социалистический вариант. И за фактами, подтверждающими это, далеко ходить не надо.

Взять хотя бы такой вид преступления, как серийное убийство на сексуальной почве. В СССР подобных преступлений совершалось в сотни раз меньше, чем сегодня во времена дикого капитализма, когда сексуальные маньяки стали такой же обыденностью, как киллеры и террористы. Причем нынешние маньяки куда кровожаднее и изощреннее, чем их советские предшественники. Объясняется сей факт про-

сто: советская мораль всячески воспевала романтические отношения между мужчиной и женщиной, осуждала половую распущенность. Среди уголовно наказуемых преступлений значились порнография, проституция, педофилия и (о ужас!) гомосексуализм. Все эти факторы сдерживали рост преступлений на сексуальной почве. А сегодня только в одной России официально зарегистрировано 104 эротических СМИ (данные на январь 2006 года), причем львиная доля из них под видом эротики пропагандирует порнографию. Кроме этого, большинство обычных печатных изданий считает обязательным публиковать на своих страницах постеры красивых девушек в неглиже (чаще всего топлес), да и по ТВ эротика и порнография демонстрируются с такой же регулярностью.

Господа демократы в начале реформ уверяли народ, что легализация эротики в России принесет только благо: дескать, даже преступления на сексуальной почве пойдут на убыль. Вышло все наоборот. Впрочем, иначе и быть не могло, поскольку та же история Запада говорила об обратном.

Еще на рубеже XIX века там шли жаркие споры о том, можно ли СМИ и писателям откровенно описывать сексуальные отношения мужчины и женщины. Известный западный исследователь К. Уилсон пишет об этом следующее: «Все же необходимо отметить, что защитники «чистоты» в определенной степени были правы. Сексуальные сцены нельзя ставить вровень, скажем, с изложением кулинарных

рецептов, хотя бы потому, что уже простое описание полового акта вызывает сексуальное возбуждение. «Пуритане» считали, что если писателям разрешить описывать половые отношения без всяких ограничений, то общество вскоре станет «сексуально озабоченным», в результате чего возрастет безнравственность и уровень преступности. В этом они были совершенно правы. Эпоха сексуальных преступлений началась одновременно со сражениями против цензуры…»

В лидеры по части сексуальных преступлений уже с начала XX века стала вырываться Америка. А в 20-е годы ее лидерство уже никто не оспаривал. Как пишет все тот же К. Уилсон: «В середине 20-х годов почти во всех развитых странах наблюдался ярко выраженный рост преступности на сексуальной почве, хотя в Америке эта тенденция была выражена более отчетливо, чем в Европе, где еще преобладали старые типы преступлений…»

Что касается СССР, то даже в 20-е годы, когда в стране действовал НЭП (то есть плановая экономика соседствовала с капиталистической), преступления на сексуальной почве совершались гораздо реже, чем на Западе, поскольку Россия по большей части оставалась патриархальной страной. А в следующем десятилетии, когда Сталин окончательно взял власть в свои руки и создал централизованное государство, число уголовных преступлений (в том числе и на сексуальной почве) значительно сократилось. Только одно то, что в СССР была искоренена профессиональная проституция,

значительно сузило поле деятельности для разного рода сексуальных извращенцев.

Однако после смерти вождя ситуация пусть медленно, но стала меняться в худшую сторону. Но даже тогда советская преступность (в том числе и на сексуальной почве) заметно отставала от западной. В конце 50-х в Америке началась так называемая «сексуальная революция», которая дала мощный толчок развитию подобного рода преступлений. Начитавшись «Плейбоя» (этот журнал появился на свет аккурат в начале сексреволюции), десятки молодых людей взялись за ножи и с еще большим рвением, чем их предшественники, начали охотиться на представительниц слабого пола. Как пишет видный американский специалист-криминолог Джоэль Норрис, автор книги «Серийные убийцы», «с 1960 года в США не только выросло число отдельных серийных убийц, возросло и число жертв, приходящихся на одного насильника; кроме того, преступления стали более жестокими».

В СССР тоже имелись свои серийные убийцы, причем один из первых появился примерно в то же самое время – в начале 60-х. Это был Владимир Ионесян, который выдавал себя за работника «Мосгаза». Правда, это был не чисто сексуальный маньяк: побудительным мотивом его преступлений был грабеж, а не секс (он изнасиловал всего лишь одну свою жертву). Ионесяна быстро поймали благодаря слаженным действиям столичной милиции, да и всего общества. После этого в разных частях страны происходили аналогич-

ные случаи, причем опять это были комбинированные маньяки – то есть грабежи они совмещали с сексуальным насилием. А вот серийных маньяков-насильников среди них почти не было вплоть до конца 60-х. На Западе все было иначе: там в те же годы творили зло десятки самых разнообразных массовых маньяков: «снайперы» (они находили удовольствие в людных местах расстреливать свои жертвы из огнестрельного оружия), «мясники» (эти обычно резали людей), серийные насильники и т. д. Перечислять их всех займет много времени, поэтому ограничусь лишь несколькими примерами.

Волна массового насилия стала накрывать Америку с лета 1966 года. Там только с июля по ноябрь были зарегистрированы сразу три массовых убийства, в результате которых погибли 33 человека. В Чикаго 25-летний «мясник» Ричард Спек проник в женское общежитие и зарезал восемь девушек; в Остине, штат Техас, «снайпер» Чарльз Уайтмен сначала хладнокровно убил свою мать и жену, после чего забрался на здание местного университета, в котором он учился (27 этажей), и расстрелял из снайперской винтовки еще несколько десятков человек (15 человек убиты, 33 ранены); в Месе, штат Аризона, 18-летний «снайпер» Роберт Смит, увидев по ТВ репортаж о «подвигах» Уайтмена, отправился повторять их – он ворвался в здание косметического училища и расстрелял семерых человек (среди них была 28-летняя учительница, ее трехлетняя дочь и трехмесячный сын, а

также четыре ученицы).

В августе 1969 года всю Америку потрясло новое массовое убийство. Хипповская банда «мясника» Чарльза Мэнсона напала на особняк 23-летней восходящей звезды Голливуда Шэрон Тэйт и зверски убила не только хозяйку, которая на тот момент была беременна, но и всех ее гостей в количестве четырех человек. Когда на следующее утро полиция вошла на территорию особняка, она была в ужасе от увиденного: повсюду валялись обезображенные тела убитых людей, а стены дома были забрызганы кровью и исписаны кровавыми надписями «Свиньи». Сержант криминальной полиции, побывавший на месте трагедии, позднее заявил: «За всю свою жизнь я не видел более ужасного зрелища. Меня чуть не вывернуло наизнанку».

Мэнсона и его банду арестовали через несколько месяцев, уже в 1970 году. Одновременно с ним в том же Лос-Анджелесе сдался полиции серийный маньяк строительный рабочий Мэк Эдвардс, который признался в том, что на протяжении 17 (!) лет убил несколько десятков детей (его подозревали в смерти 22 человек). Все свои жертвы маньяк перед смертью обязательно истязал, получая от этого наслаждение.

Конечно, и в СССР случались подобного рода преступления. Однако, повторюсь, их счет шел на единицы, а некоторые из них и вовсе были настоящей диковинкой. Например, маньяков-«снайперов» в нашей стране почти не было, поскольку огнестрельное оружие находилось под строгим кон-

тролем государства. За все 60-е такого рода преступление было совершено только один раз, в сентябре 1968 года, да и то потому, что в качестве преступников выступили два «отморозка»-солдата. Сбежав из воинской части с оружием, они заперлись в одном из домов в Курске, убили семью из пяти человек, после чего открыли огонь из окна по привокзальной площади, убив еще восемь человек.

Маньяков в СССР было чуть больше «снайперов». Был среди них и свой Мэк Эдвардс – учитель Анатолий Сливко, который за 21 год своей преступной деятельности (1965–1985) убил 17 детей. Этот нелюдь тоже был извращенцем – он получал удовольствие, снимая агонию своих жертв на кинокамеру. Но Сливко был чуть ли не единственным подобным маньяком за всю советскую историю, а в тех же США таких были десятки, причем многим из них удалось избежать ответственности. Например, в самом конце 60-х (1968–1969) Америка была в ужасе от серийного убийцы, который взял себе кличку Зодиак. Этот душегуб подстерегал по вечерам влюбленные парочки и хладнокровно расстреливал их из пистолета или резал ножом. Убив таким образом пять человек и двоих тяжело ранив, Зодиак бесследно растворился в американской действительности (установить его личность так и не удалось).

Сошлюсь на мнение все того же Д. Норриса, который так характеризовал ситуацию с этим видом преступления в США: «Серийный убийца – это болезнь американского об-

щества. Инфекция передается от поколения к поколению в форме насилия над детьми, алкоголизма, наркомании, плохого питания. В последние 20 лет (1960–1980) на долю США, население которых составляет всего 5 % от общего числа людей, живущих на Земле, приходилось 75 % серийных убийц. Из 160 серийных убийц, задержанных или вычисленных силами правопорядка, по меньшей мере 120 были обнаружены в США. Существуют реальные опасения, что по мере распространения американского культурного влияния на менее развитые страны недуг серийного убийства, если его не пресечь, поразит и их…»

Из перечисленных Норрисом пороков в СССР однозначно присутствовал один – алкоголизм. Все остальные отсутствовали: массового насилия над детьми не было, наркомании тем более, а питание было вполне сносным, даже калорийным. И еще существовала мораль, которая воспитывала подрастающее поколение в духе любви к своему ближнему и обществу, в котором оно живет. Однако по мере приобщения советского человека к западным духовным ценностям (особенно интенсивно этот процесс развернется с середины 70-х) началась коррозия советской морали. Отсюда и рост преступлений, особенно насильственных. Короче, Д. Норрис оказался абсолютно прав: активная американизация сначала СССР, а потом и России принесла нам вместе с мини-юбками, рок-н-роллом, «Сникерсами» и «Макдоналдсами» и массового серийного убийцу американского типа.

Если советские годы родят на свет только двух серийных маньяков-«многостаночников» – Андрея Чикатило (52 жертвы за 12 лет) и Геннадия Михасевича (34 жертвы за 14 лет), – то 15 постсоветских лет наплодят уже десятки подобных монстров, многие из которых переплюнут рекорды не только своих предшественников, но и большинства западных рекордсменов, в том числе и «законодателей моды» – американцев. Так, маньяк Анатолий Оноприенко (52 жертвы за один (!) год) только за три месяца 1996 года убьет в четырех областях Украины 16 мужчин, 15 женщин и 9 несовершеннолетних детей. Действовал маньяк бесхитростно: среди ночи он врывался в дома деревенских жителей и убивал всех без разбора.

Еще один маньяк – Александр Пичушкин – свирепствовал в Москве. За шесть лет (2000–2005) он убил 62 человека разного пола и возраста. По его словам, он собирался лишить жизни 64 человек – по числу клеток на шахматной доске, – но не получилось. Стоит отметить, что все свои жертвы он находил в одном и том же месте – в Битцевском лесопарке.

Так что, сравнивая советских и нынешних маньяков, можно смело утверждать, что первые в сравнении со вторыми заметно проигрывают. Почему сегодняшнее время плодит так много маньяков, объясняет директор Института социальной и судебной психиатрии им. Сербского Т. Дмитриева: «Все дело в 15 годах глобальных изменений. Менялись политика, ценности, рушилась экономика. На мощный соци-

альный стресс среагировало все население. Прирост психических расстройств составил примерно 60 %. Число тяжелых психических расстройств – шизофрения, психозы, слабоумие – почти не менялось. Шел рост депрессий, невротических расстройств, расстройств личности – всего, что связано со стрессом. Безработица, угроза потери работы, начало заболевания и невозможность добыть деньги на лечение, столкновение с платным образованием. Как следствие, серьезные последствия для психики…»

Всем миром

Большим подспорьем в борьбе против преступности в СССР было то, что тогда с ней боролись всем миром. То есть в этой борьбе участвовали не только правоохранительные органы, но и рядовые граждане, которые несли дежурства в добровольных народных дружинах (ДНД). Эти формирования были созданы в ноябре 1958 года, когда в стране развернулась широкомасштабная борьба по искоренению преступности. Энтузиазм властей и населения в этом деле был таков, что тогда даже появился лозунг «Искореним всю преступность на корню!».

Как выяснится позже, этот лозунг окажется утопическим, однако польза от этой кампании все равно была большой: количество преступлений в стране тогда резко сократилось. И немалая заслуга в этом была именно ДНД. И хотя с годами это движение претерпело определенные трансформации (например, по мере угасания всеобщего оптимизма в обществе многие люди стали идти в ДНД исключительно ради меркантильных выгод, а не для помощи милиции, то есть ради отгулов, предоставляемых государством за работу в ДНД), большинство членов народных дружин все-таки работали не за страх, а за совесть. Свидетельством чего является тот факт, что сотни из них были награждены правительственными наградами за мужество, проявленное во время охраны обще-

ственного порядка.

Совсем иное отношение, чем сейчас, было в советские годы и к милиции. Стоит отметить, что в разные годы она пользовалась неодинаковым успехом у рядовых граждан. Например, если в 40-е годы милиционеров уважали и боялись одновременно, то после смерти Сталина благодаря хрущевским разоблачениям стали откровенно недолюбливать. В итоге, когда этот процесс серьезно отразился на уровне преступности в стране (она стала стремительно расти: если в 1957 году в СССР было зарегистрировано 677 260 преступлений, то через год – 880 322), власти одумались и предприняли широкомасштабные попытки вернуть милиции былой авторитет. На киностудиях страны стали сниматься фильмы о доблестных работниках милиции, писатели стали писать о них книги (жанр кино– и книжного детектива возродился в СССР именно в конце 50-х), а композиторы и поэты – сочинять песни.

В результате этой деятельности профессия милиционера вновь стала престижной, и тысячи молодых людей перестали считать зазорным идти служить в органы МВД. Повысился авторитет стражей порядка и в уголовной среде, о чем свидетельствовало и количество посягательств на жизнь милиционеров. Например, если после смерти Сталина, в дни так называемой «бериевской амнистии», от рук преступников пострадало порядка 300 милиционеров (рекорд в послевоенные годы), то спустя пятилетие эта цифра снизилась почти

вдвое. Однако в 60-е годы эти цифры, увы, стали снова расти. Так, пик посягательств выпал на юбилейный год – год 50-летия Великого Октября (1967), когда было совершено 487 нападений на сотрудников МВД. Однако в течение последующих двух лет – в основном благодаря грамотной политике нового союзного министра внутренних дел Николая Щелокова, который, как и 10 лет назад, развернул в обществе широкую пропагандистскую кампанию по популяризации органов правопорядка, число посягательств на милиционеров пошло на спад: в 1968-м – 389 случаев, в 1969-м – 368.

Однако в 1970 году кривая посягательств на стражей порядка вновь скакнула вверх: 421 случай. Судя по всему, связано это было с юбилеем (тогда отмечалось 100-летие со дня рождения В. Ленина): нацеленные на то, чтобы этот год прошел для граждан как можно спокойнее, советские милиционеры проявляли большую активность и чаще, чем обычно, подставлялись под удар. Сегодня о подобном рвении можно только мечтать. Кстати, после 1970 года число посягательств на сотрудников милиции в СССР больше никогда не пересечет отметку 400 – всегда будет ниже («потолок» будет зафиксирован в 1971 году – 385, «плинтус» в 1987-м – 172).

Все годы нахождения у руля союзного МВД Н. Щелокова фигура милиционера пользовалась у большинства населения непререкаемым авторитетом. Подавляющая часть советских людей относилась к стражам порядка с уважением. По-

прежнему огромную роль при этом играла пропаганда, которая всячески популяризировала работу органов внутренних дел: про милицию снимались фильмы, писались книги и даже песни. Герои-милиционеры были постоянными участниками разного рода передач на радио и телевидении вроде «Голубых огоньков» и «От всей души». Кроме этого, в газетах регулярно публиковалась информация о тех стражах порядка, которые, рискуя своей жизнью, предотвращали разного рода преступления (иногда именами этих героев называли улицы в разных городах страны).

Сегодняшние российские СМИ популяризируют кого угодно: олигархов, бандитов, проституток, геев, сомнительных звезд шоу-бизнеса, но только не настоящих героев. Например, столь же вдохновенных статей и репортажей о героях-милиционерах или воинах Российской армии, часто рискующих жизнью на боевом посту, в российских СМИ практически не бывает. А если такое и случается, то выглядит это скорее случайностью, чем закономерностью. Вот почему член Общественной палаты РФ С. Марков в декабре 2006 года опубликовал в газете «Трибуна» статью под характерным названием «Верните России героев!». Приведу из нее лишь небольшой отрывок:

«Абсолютно необходимо остановить тотальную дискредитацию традиционных духовных ценностей посредством масс-медиа, и прежде всего телевидения. С голубых экранов должна прекратиться пропаганда аморального образа жиз-

ни. Нужно вернуть обществу героев, которые совершили нравственные поступки и подвиги – на войне ли, в борьбе с преступностью или в обычной жизни. У молодого поколения образцом для подражания должен стать не бандит или трансвестит, а гражданин, проявивший твердость характера и силу духа в критических ситуациях. Про этих людей должны рассказывать телевидение, радио, книги и газеты…»

В советские годы подобной проблемы не было. СССР можно было смело назвать страной героев. Практически каждый день в различных советских СМИ публиковались очерки о тех самых гражданах, о которых говорит депутат: проявивших твердость характера и силу духа в критических ситуациях. Видимо, такие герои хозяевам сегодняшней российской жизни не особенно и нужны.

Зачинатели советского рэкета

Огромным достижением советской власти было то, что в стране долгое время не было организованной преступности. Для ее возникновения просто не было почвы – рыночных отношений. Однако с конца 60-х ситуация стала меняться. Тогда в СССР проводилась так называемая «косыгинская» реформа (или реформа Либермана), которая ставила целью внести в плановую советскую экономику отдельные элементы рыночной экономики (в частности, такой элемент, как хозрасчет). Эксперимент поначалу удался, о чем наглядно свидетельствовали результаты пятилетки 1966–1970 годов (одной из самых эффективных в советской истории). Однако потом началась пробуксовка, связанная с побочными эффектами эксперимента, о чем писал экономист С. Ткачев: «Руководители страны не поняли, что полный хозрасчет, на который переводили предприятия, без государственного планового регулирования, отодвинутого на задний план, по сути своей – тот же свободный рынок. И никакими административными мерами невозможно остановить его чисто экономическое разрушительное действие. Не поняв главного, они все больше ориентировались на замену «видимой руки» государства «невидимой рукой» рынка. На Западе параллельно шел противоположный процесс: рыночные рычаги, доведенные там до совершенства и, казалось бы, боль-

ше всего отвечающие капиталистической экономике, заменялись государственными…

Реформы в экономике СССР были проведены вопреки коммунистической идеологии и теории социалистического строительства, на верность которым присягало руководство страны. С позиций политэкономических они означали не что иное, как попытку «подправить» социализм капитализмом – причем теми его компонентами, которые из-за своей разрушительности в капиталистическом мире заменили на исконно считавшиеся социалистическими. Так началась сдача самой эффективной и самой справедливой в истории человечества общественно-политической системы…»

Об этом же пишет и другой исследователь – С. Кугушев: «Одной из причин распада СССР стал крах потребительской модели советского общества, выбранной еще XXI съездом КПСС в 1961 году и воплощенной в жизнь после «косыгинских» реформ в конце 60-х. Эта модель предполагала все большую ориентацию на стандарты, свойственные западному обществу, где потребление ставится выше труда, материальное имеет приоритет над духовным, а удовлетворение потребностей безусловно главенствует над реализацией способностей. Как только эта потребительская модель была взята на вооружение руководством СССР, исход противоборства капитализма с социализмом был предрешен. Капитализм обладал и обладает гораздо более обширной ресурсной базой и гораздо дальше продвинут на технологиче-

ском уровне индустриального типа. И соответственно обладает неустранимыми преимуществами в соревновании систем. Но главное даже не в этом. Капитализму внутренне присуща потребительская модель. Тогда как социализм внутренне предполагает другую, базирующуюся на справедливости, добре и взаимопомощи систему ценностей.

СССР, подточенный неполадками в собственной экономике, помноженными на сужающуюся ресурсную базу, не смог удовлетворить потребительские ожидания советского общества, пережив сначала кризис недоверия населения к власти, а затем и глубочайший политический кризис, что и привело к развалу государства…»

Развал СССР, как мы помним, произошел на рубеже 80-х, однако предпосылки этого закладывались еще в 60-х, когда советская экономика взяла курс на потребительскую модель. Эта модель вызвала изменения и в преступном мире, когда на свет стали появляться бандформирования, которые начали «крышевать» новоявленных «красных бужуев», так называемых «цеховиков» – то есть организаторов подпольных цехов по выпуску разного рода дефицитного товара. Стоит отметить, что именно во второй половине 60-х подпольные цеха стали расти в СССР, как грибы после дождя. И если раньше с «цеховиками» власть разбиралась достаточно строго (сажала их в тюрьму на длительные сроки, а иных и вовсе расстреливала), то теперь, с началом «косыгинских» реформ, к ним «наверху» стали относиться более снисходи-

тельно. А в иных советских республиках (например, в закавказских) они и вовсе ходили в королях, заручившись поддержкой не только на самом «верху» (в партийных органах), но и «внизу» (в преступной среде). Именно эта смычка (или тройственный союз) и стала той питательной средой, которая взрастила в СССР организованную преступность.

Долгие десятилетия устойчивых банд в СССР были единицы (при этом самый большой срок их деятельности исчислялся пятью годами, как это было с бандформированием в Ростове-на-Дону, известным как банда братьев Толстопятовых). В основном же это были скоротечные формирования, которые создавались дилетантами и достаточно быстро выявлялись и ликвидировались. Однако по мере проникновения в СССР западных духовных ценностей (как помним, этот процесс взял старт аккурат в первой половине 70-х, когда началась так называемая разрядка – то есть сближение Востока и Запада) все большее число жителей СССР становились западниками. Только кого-то из них прельщала западная сфера быта и сервиса, кого-то искусство (рок-н-ролл и Голливуд), а кого-то – тамошние гангстеры, как пример смелых и удачливых людей, умеющих жить «по-настоящему». И как ни старалась советская пропаганда отвадить своих граждан от западного «рая» посредством публикации негативной информации о нем, однако эффект был обратный: все больше людей проникалось жаждой окунуться в этот «рай». А когда к власти пришел либерал Горбачев,

вожжи в этом деле были отпущены окончательно. Как итог: уже к концу 80-х по всей стране насчитывалось несколько сотен устойчивых банд, вооруженных по последнему слову техники. Сегодня (на январь 2006 года) только в России на оперативный учет МВД поставлено свыше 400 крупных и устойчивых организованных преступных формирований численностью более 10 тысяч человек. Вот так, погнавшись за колбасой и джинсами, мы впустили к себе такого монстра, по сравнению с которым пресловутый дефицит – сущая пустышка.

Кладбищенские «жуки»

Так называемая «кладбищенская» мафия существовала и в СССР, однако с нынешней российской ее опять же не сравнить. Советские махинаторы из области ритуальных услуг сегодня выглядят младенцами, поскольку сфера их незаконной деятельности была гораздо уже. И вообще их действия приносили советскому обывателю не тот ущерб, что сегодня, – что такое десятки рублей по сравнению с теми сотнями тысяч, которыми оперируют сегодняшние кладбищенские «жуки»? К тому же советских «жуков» периодически сажали в тюрьму, о чем всегда оперативно оповещала население печать. Сроки были немалые: до 15 лет тюрьмы. Сегодня о таких наказаниях в подобного рода преступлениях можно только мечтать.

Нынешняя российская «кладбищенская» мафия намного переплюнула свою предшественницу, советскую. Еще в годы ельцинского капитализма цены на ритуальные услуги так высоко скакнули, что многие россияне предпочитали хоронить своих родственников не в гробах, а… в обычных ящиках – дешевле обходилось. Да и сегодня дела в этой сфере обстоят не лучшим образом: похороны обходятся рядовым россиянам в весьма кругленькую сумму – от 25 до 50 тысяч рублей (при средней зарплате по стране в 10–15 тысяч рублей).

Российские СМИ регулярно оповещают население о той

вопиющей ситуации, которая сложилась в сфере ритуальных услуг. Однако изменений в лучшую сторону все равно нет – нынешняя российская демократия тем и отличается, что базируется на старой восточной поговорке: «Собаки лают – караван идет». А ведь случаи эти по-настоящему страшные, которые никаким советским временам даже не снились. Взять, например, случай, который произошел на столичном Троекуровском кладбище. Там состоялись похороны ветерана Великой Отечественной войны, генерал-полковника Михаила Сидорова. Он прошел всю войну, воевал как артиллерист на нескольких фронтах, был ранен во время Курской битвы. Награжден многими орденами и медалями. В советские времена похороны такого человека прошли бы по высшему разряду за счет государства. А сегодня расплачиваться пришлось одним родственникам, которые заплатили за похороны 30 тысяч рублей. И это без учета затрат на поминки и будущий памятник (с ними цифра и вовсе перевалит за 50 тысяч!). Думаете, это единичный случай? Отнюдь. Когда на том же кладбище хоронили генерал-полковника Г. Яшкина, только за одну могилу взяли все те же 30 тысяч рублей. У всех честных людей после этого невольно возникал вопрос: почему только для того, чтобы похоронить человека на общенародной (не частной!) земле, надо платить такие баснословные деньги?

Еще одной серьезной проблемой современных кладбищ является повальное воровство на них. Ничего подобного в

советские годы не происходило, а сегодняшние кладбищенские «жуки» буквально с цепи сорвались: воруют не только цветы, но даже сами памятники, поскольку их можно сдать в переплавку как цветной металл (благо вокруг всех кладбищ сегодня частные фирмы специально создали пункты приема цветного лома). Причем варварским нападениям подвергаются любые памятники: и рядовых граждан, и национальных кумиров. На память приходит заметка в «Комсомольской правде» о том, как некий москвич вынужден был нанять частных охранников, чтобы они круглосуточно охраняли могилу его шестилетнего сына на Востряковском кладбище. Объясняя это новшество, отец мальчика заявил следующее: «Я столкнулся с тем, что после ухода родственников с кладбища на могиле ничего не остается. Мгновенно все куда-то уносится, продается. Чашу терпения переполнило, когда туи, которые мы посадили, были выкопаны в первую же ночь. Вы знаете, крайне неприятно идти к могиле с мыслью: что же украли или сломали на этот раз? Нам не жалко цветов, но морально это очень тяжело, и нам пришлось поставить охрану. Других методов не нашлось…»

Здесь же «Комсомолка» поместила свою ремарку. В ней говорилось следующее: «Как рассказал корреспонденту «КП» сотрудник одного из московских кладбищ, в последние несколько месяцев у кладбищенских мародеров появилось высокотехнологичное ноу-хау. С помощью устройства под названием «цанга» с покойников снимают коронки,

перстни, цепи, даже не разрывая свежезасыпанной могилы. Грабят умерших спустя десяток минут после того, как безутешные родственники покинули кладбище и отправились справлять поминки. Мародерский прибор чем-то напоминает чертежный карандаш. Правда, эта «цанга» длиной около двух метров. Кто-то из мародеров толчется на похоронах, примечая, как на покойном размещены драгоценности. Все остальное – дело техники. Два-три удара «цангой» в землю – и на могильном холмике остаются едва заметные дырки диаметром не больше сантиметра…»

Нет слов, далеко ушла нынешняя «кладбищенская» мафия от своих предшественников. Что вполне закономерно, поскольку за годы нынешних реформ смертность в России далеко обогнала советскую: сегодня в год у нас умирает почти миллион человек. То есть работы у современных гробовщиков и всех, кто крутится возле этого бизнеса, заметно прибавилось. Кстати, если в советские годы эта сфера деятельности была в руках у государства, то сегодня здесь заправляют делами и частные лица, многие из которых имеют непосредственное отношение к криминальному миру. Впрочем, это типичный путь гангстера западного образца. Ведь впервые мафия приобщилась к этому делу на Сицилии, в Палермо, еще в прошлом веке. Тамошние мафиози не только открывали свои собственные ритуальные конторы, но и «крышевали» все остальные, не позволяя случайным людям войти в этот доходный бизнес. Дело доходило до то-

го, что люди мафии после погребения обыкновенно забирали с могилы цветы и венки и вновь продавали их, но уже в своих конторах. Также мафия контролировала продажу гробов («табутти»), среди которых главную прибыль приносили гробы дорогие, элитные. В них обычно хоронили высокопоставленных чиновников, богатых буржуа и самих мафиозо. Ну чем не сегодняшняя Россия!

За минувшие 15 лет преступность в нашей стране выросла неимоверно и стала более тяжкой, социально опасной. Без сомнения, что она бы росла и при советской власти, однако, сохрани мы СССР и не приведи к власти ельцинскую камарилью, такого беспредела никогда бы не было. Не взрывали бы террористы дома с сотнями спящих людей и поезда метрополитена, жестокие маньяки не убивали бы в год сотни людей, миллионы девчонок не шли бы в проститутки, а молодые люди в члены бандформирований, тысячи людей не становились бы наркоманами и не травились бы насмерть «паленой» водкой и т. д. и т. п.

Культиваторы пороков

Большевики уже спустя 15 лет после своего прихода к власти (в 30-е годы) могли с полным основанием рапортовать населению огромной страны, что они победили многие из тех социальных пороков, которые им достались в наследство от царского режима: беспризорничество, нищенство, проституцию, индивидуальный террор, бандитизм. Даже последний представитель такого распространенного в царское время преступного промысла, как «медвежатничество» (то есть специалист по кражам из сейфов), был изобличен и посажен в тюрьму в середине 30-х. И хотя много позже, уже в послесталинские годы, некоторые из этих пороков возродились снова, все равно они оставались социально чуждыми социализму явлениями и поэтому обретались чуть ли не в подполье. Например, ту же проституцию власть не пропагандировала посредством СМИ, как сегодня, а продолжала преследовать в уголовном порядке.

Индивидуальный террор вернулся к нам только спустя полвека – в 1977 году, когда армянские националисты взорвали несколько бомб в Москве (в последний раз нечто подобное произошло в 1927 году, когда бывшие белогвардейцы взорвали бомбу в общежитии ГПУ). На поиски армянских бомбистов были брошены все имеющиеся силы и средства, в результате чего они находились на свободе всего чуть боль-

ше девяти месяцев. Их судили и приговорили к расстрелу. После этого желающих пойти по их стопам долгое время не находилось. И только в годы горбачевской «перестройки», и особенно ельцинского капитализма, терроризм обрел реальную плоть и кровь. И уже никогда не исчезнет, поскольку вполне адекватно вписывается в ту социальную атмосферу, которая сегодня царит в России. Таким образом, можно смело сказать, что если советская власть всячески боролась с самыми различными общественными и человеческими пороками, то нынешняя российская, наоборот, всячески их пестует и пропагандирует.

Например, еще в наследство от царских времен советскому криминальному миру досталось такое явление, как карточное шулерство. Однако советская власть сделала так, что на протяжении полувека картежные мошенники (так называемые «каталы») были тише воды ниже травы, составляя мизерную долю в общей массе нарушителей закона. В основном они собирались на конспиративных квартирах («катранах») и редко когда выходили «в люди». Ситуация стала меняться в 60-е годы, когда с ростом благосостояния советских людей армия потенциальных клиентов «катал» значительно расширилась. В итоге ряды мошенников стали расти, и они бросились оккупировать курортные города страны. Власть ответила адекватно. В 1970 году в СССР состоялся первый судебный процесс над «каталами», причем власть не постеснялась посадить на скамью подсудимых даже родственника одного

из национальных героев – племянника Мелитона Кантарии, который в мае 45-го был одним из тех, кто водрузил красное знамя над рейхстагом. После этого уголовные процессы над карточными мошенниками стали привычным явлением в советской уголовной практике, а в СМИ начали публиковаться материалы, в которых населению давались уроки, как не попасться на удочку подобных аферистов.

Сегодня «каталы» практически исчезли. Однако не спешите радоваться. Нынешняя власть их не уничтожила, как некогда советская поступила с беспризорничеством или «медвежатничеством», а помогла… переквалифицироваться. Многие вчерашние картежные мошенники стали преуспевающими владельцами казино и залов с игровыми автоматами, которых не зря называют «однорукими бандитами». Сколько клиентов мог облапошить советский «катала» в сутки? Одного, двух, в крайнем случае трех. Сегодняшние «каталы» с помощью «одноруких бандитов» обирают десятки тысяч (!) человек в сутки. И власть безучастно взирает на этот грабеж. Впрочем, чего еще от нее ждать, если культивирование пороков и есть ее основная составляющая? Ведь эту власть в основном создавали вороватые партноменклатурщики, уличные спекулянты и многочисленные отщепенцы без роду и племени, слетевшиеся в Россию со всех концов света, будто мухи на известно что.

Сегодня наша страна буквально пропитана пороками, и этим людям именно это и нравится. В советские годы они

не могли без боязни за свою репутацию, а то и свободу посещать проституток, совращать молодежь, заниматься гомосексуализмом, обманывать ближнего и плевать на дальнего. Сегодня это не только не возбраняется, но это еще и деньги приносит, причем баснословные. Думаете, советская власть не могла закупить за границей «однoруких бандитов» и обставить ими всю страну, «куя» деньги на человеческих пороках? Конечно же, могла! Но она этого не делала принципиально, поскольку в таком случае не была бы советской властью. Вот почему для сегодняшних российских «хозяев жизни» именно она кажется настоящим кошмаром, как для серийного маньяка опытный сыскарь.

(«Советская Россия», приложение «Отечественные записки» от 18 января 2007 года)

Тухлая «клубничка»

По каналу ТВ Центр был показан документальный фильм «Детям до 16…», посвященный весьма специфической теме – эротике в советском кинематографе. Скажем прямо, тема эта деликатная и пока совершенно неизведанная, что требовало от авторов фильма и определенного такта, и знания многих фактов из истории советского кинематографа. Однако ничего подобного ими учтено не было. Весь пафос своей картины авторы употребили на то, чтобы доказать зрителю, какими ханжескими были советская власть и ее кинематограф, что даже невинные эротические сцены, должные присутствовать в отдельных советских фильмах, подвергались безжалостной цензуре. А как было на самом деле?

Фильмы, подобные «Детям до 16…», клепаются на сегодняшнем Российском телевидении, что называется, «на одном колене» при минимуме затрат. Авторам подобных опусов достаточно бегло прошвырнуться по Интернету, надергать оттуда с десяток «жареных» фактов, сдобрить их антисоветским пафосом (а без него никуда, поскольку руководители практически всех телеканалов исповедуют именно пещерный антисоветизм) – и картина готова. В итоге льви-

ная доля сегодняшних документальных фильмов, показываемых по телевидению, никакого отношения к этому жанру не имеют. Это скорее набор документальных кадров, скрепленных друг с другом весьма поверхностным текстом, где история подается сквозь призму субъективизма и с непременной «желтизной» сегодняшних массмедиа. Вот и в фильме «Детям до 16…» его авторы вместо глубокого анализа пичкают зрителя разного рода антисоветскими мифами и полуправдой, должными, по их мнению, в очередной раз доказать обществу, какое ханжеское пуританство царило в Советском Союзе, в частности в его кинематографе.

Между тем, что бы ни говорили и ни снимали нынешние антисоветчики, но советская власть была абсолютно права, когда долгие годы посредством пропаганды пестовала в людях гуманизм и целомудрие. Здесь она полностью следовала канонам православия, несмотря на то что Церковь в СССР была отделена от государства. Но тот же «Моральный кодекс строителя коммунизма» являлся не чем иным, как перечнем Христовых заповедей: не убий, не укради, не прелюбодействуй и т. д. Именно в русле этих заповедей и развивалось советское искусство, в том числе и кинематограф. Вот о чем сегодня надо снимать кино, а не о том, как «жестокие» советские цензоры душили любой намек на секс.

Безусловно, были среди этих цензоров дуболомы и ханжи, которые даже невинные поцелуи относили к эротике. Но ведь таких людей хватало и в западном кинематографе – по-

читайте хотя бы историю американского кино с его «кодексом Хейса», где поцелуи на экране строго хронометрировались (они не должны были превышать нескольких секунд). Когда в 1939 году в нарушение «кодекса Хейса» режиссер Луис Сайлер снял фильм «Ты теперь в армии», где поцелуй героев длился рекордное время – 3 минуты 5 секунд, цензоры отнесли эту картину к «мягкой эротике» и ограничили ее показ.

Целомудрие в советском кинематографе держалось более 60 лет. Во многом благодаря этому советское кино сумело достигнуть выдающихся результатов, когда с ним не только считались, но у него учились все мировые кинематографии. Именно этот феномен и надо сегодня изучать и снимать про него фильмы: каким образом удалось советскому кинематографу при самом минимуме эротики, присутствующем в нем, стать величайшим искусством? Как вышло так, что все выдающиеся его произведения о любви практически начисто были лишены постельных сцен (даже поцелуи были строго ограничены), но сексуальная энергетика била в них с такой мощью, что даже подкованные по части секса западные кинокритики снимали перед ними шляпу?

Разве в фильме Михаила Калатозова «Летят журавли» (удостоен премий сразу нескольких зарубежных кинофестивалей, в том числе и Каннского в 1958 году) герои хотя бы раз ложились вместе в постель, задирали юбки или снимали штаны? Не было этого и в фильмах Григория Чухрая

«Сорок первый» (призы в Каннах и Эдинберге в 1957 году) и «Баллада о солдате» (десяток зарубежных премий, в том числе и Канн-60; назван лучшим фильмом сезона 1960/61 года в США, Японии и Греции). Даже в «Тихом Доне» Сергея Герасимова, где сама литературная основа уже предполагала наличие подобных сцен, не было ни эротики, ни секса, однако фильм стал величайшим произведением не только советского, но и мирового кинематографа. Это я перечислил только несколько примеров (а таковых наберется не одна сотня), когда советский кинематограф, являя собой гуманное и целомудренное искусство, сумел достичь высочайшего признания во всем мире. А ведь все перечисленные фильмы появились на свет в тот самый момент, когда на Западе началась так называемая «сексуальная революция» и тамошнее кино живо откликнулось на нее.

Так, в 1955 году в Японии был снят первый фильм, где зрители увидели обнаженную женщину (фильм К. Мидзогути «Екихи»). Во Франции в 1956 году появилась первая «обнаженка» в цвете: в фильме Роже Вадима «И Бог создал женщину…» раздевалась его тогдашняя возлюбленная Брижит Бардо. Когда в ноябре того года фильм вышел на экраны страны, он произвел настоящий фурор и разделил людей на два лагеря: приверженцев ленты и ее хулителей. Среди последних, например, оказался знаменитый кинорежиссер Франсуа Трюффо, который в статье в журнале «Искусство», выражая свое возмущение увиденным, заявлял следу-

ющее: «Мы имеем полное право заявить, что нам подсовывают порнографию. Остается только удивляться, куда смотрели цензоры…»

До Америки «сексуальная революция» в кино добралась чуть позже – в ноябре 1957 года. Там вышел фильм Элиа Казана «Куколка», который настолько возмутил многих людей, что в некоторых городах его запретили к просмотру. Так, в Филадельфии полиция устроила массовые облавы в кинотеатрах, чтобы конфисковать копию фильма, в Мемфисе фильм запретили крутить тамошние власти, а в Далласе шеф полиции распорядился не пускать на просмотр чернокожих зрителей, поскольку те, по его мнению, могли перевозбудиться и устроить беспорядки. Однако все эти запреты только подогрели интерес к фильму, делая ему бесплатную рекламу. Как следствие, только за первые девять недель показа «Куколка» собрала почти полмиллиона долларов (всего за год было собрано 4 миллиона).

Вот такие баталии бушевали вокруг киношной эротики на Западе. В Советском Союзе ничего подобного не наблюдалось, и, как говорится, слава богу. В то время как западные кинодельцы извращались как только умели (например, Марк Дэймон из Майами изобрел стереоскопическое порнокино, а Ингмар Бергман снял самую жестокую сцену изнасилования в своем «Источнике» 1959 года), советские кинорежиссеры продолжали воспитывать своих зрителей в духе целомудрия и любви к женщине. Именно тогда были сняты многие ше-

девры советской киномелодрамы вроде «Простой истории», «Алешкиной любви», «Прощайте, голуби!», «Девчат», «Три плюс два», «Человека-амфибии», «Родной крови», «Я шагаю по Москве» и др. А среди актеров и актрис не было никаких «секс-символов», зато были люди, которые умели без всякой эротики так сыграть перед кинокамерой любовь, что нынешние российские звезды, которые только и делают, что скачут из одной постели в другую и обнажают свои шикарные и не очень телеса, кажутся карликами среди великанов. Ну какая из наших нынешних звезд может сравниться, например, с Любовью Орловой, Мариной Ладыниной, Нонной Мордюковой, Аллой Ларионовой или Натальей Фатеевой? А ведь эти актрисы никогда не обнажались в кадре, хотя переиграли массу фильмов про любовь. Вот он, истинный талант и мастерство: без всяких постельных сцен и «обнаженки» сыграть чувства к мужчине на таком высоком градусе, что твоей игрой потом восхищаются многие и многие поколения зрителей.

Еще в 60-е годы среди советских кинодеятелей находились люди, кто ратовал за перенос западных сексопытов на советскую почву под лозунгом «Сделаем советское кино более современным». К счастью, тогда к их мнению власти не прислушались, что на два десятилетия отдалило советское общество от многих бед. Но в середине 70-х началась так называемая разрядка, которая постепенно изменила вектор развития как общества, так и кинематографа в частности.

Был взят курс на коммерциализацию. Но даже в этом повороте не было бы большой беды, если бы в том же кинематографе этим делом стали заправлять люди, воспитанные на целомудрии своих предшественников – выдающихся советских кинорежиссеров. Но верх постепенно взяли те, кто считал все советское «отрыжкой ханжеских времен», кто днями и неделями просиживал на спецсеансах в архивах Госфильмофонда, пуская похотливую слюну при виде кульбитов Марлона Брандо и Марии Шнайдер в фильме «Последнее танго в Париже».

Этот фильм Бернардо Бертолуччи выпуска 1972 года апологетами сексреволюции давно причислен к выдающимся шедеврам, поэтому ему и уделено столько внимания в упомянутом фильме «Детям до 16…». Более того, в нем даже бросается упрек советской власти: дескать, фильм во всем мире назван классикой, а в СССР за него людей в тюрьму сажали (в доказательство приводился эпизод из фильма В. Меньшова «Зависть богов»). Этот пассаж явно рассчитан на людей, которые плохо знакомы с историей. Чтобы не быть голословным, приведу слова зарубежного специалиста Д.Б. Соува: «С 1972 по 1987 год фильм «Последнее танго в Париже» был запрещен в Италии, где в 1972 году федеральные власти обвинили в непристойности Марлона Брандо, Марию Шнайдер, Бернардо Бертолуччи, Альберто Гримальди и компанию «United Artists». Хотя на следующий год они были оправданы, фильм оставался запрещенным еще 14 лет.

Итальянские власти лишили Бертолуччи права голоса, заставив его чувствовать себя изгоем. «Я ощущал себя человеком второго сорта», – говорил режиссер…

Предсказание о том, что фильм приведет к возникновению нового направления в кинематографе, не сбылось. Как пишет режиссер Р. Эберт, «картина отпугнула подражателей; вместо того чтобы стать первым из многих фильмов, честно изображающих сексуальность, он стал почти последним. Голливуд быстро развернулся на 180 градусов и стал снимать кино о подростках, новых технологиях, супергероях и спецэффектах…».

Как и во многих странах, в СССР фильм «Последнее танго…» был причислен к разряду непристойных, порнографических. А поскольку в советском Уголовном кодексе существовала статья, наказывающая за распространение и просмотр порнографии, естественно, что власти использовали эту статью против отдельных людей. Это нормальное явление для нормального государства. У авторов фильма «Детям до 16…» на этот счет иное мнение: они считают это вопиющим беззаконием. Даже выводят в качестве одного из своих героев некоего человека, который два года отсидел в тюрьме за то, что имел в своей домашней видеотеке порнографические фильмы. Правда, среди них не было «Последнего танго…», но были другие, в частности, «История О», снятый по одноименной порнографической книге Полин Реаж, наделавшей в середине 50-х много шума на Западе. Однако ав-

торы фильма намеренно о нем не упоминают, а заостряют свое внимание на более мягком эротическом «шедевре» 70-х «Греческая смоковница» (но внимательный зритель успевает заметить в кадре материалы уголовного дела, где фигурирует и упомянутый фильм «История О»).

Во многом благодаря действию в УК «порнографической» статьи в СССР долгие годы сохранялся низкий уровень сексуальной преступности. Возьмите уголовное дело любого сексуального маньяка (кстати, не только советского), и вы увидите, что практически все они были большими любителями «клубнички». Тот же Чикатило (52 жертвы), будучи учителем, подглядывал за девочками-школьницами в туалетах, а Михасевич (36 жертв) собирал порнографические картинки, которые в 70-е годы уже начали наводнять страну (их «клепали» в Закавказье и привозили в Россию). Все эти перверсии (половые отклонения) в СССР были под запретом, преследовались, что и позволяло сдерживать рост преступлений на сексуальной почве. Сегодня все это в прошлом, и мы имеем то, что имеем: рост сексуального насилия, повсеместный разврат и падение нравов. В то время как в СССР, где «секса не было», численность населения постоянно росла (рождалось около миллиона детей в год), в сегодняшней сексуально раскрепощенной донельзя России эта самая рождаемость падает. Причем настолько катастрофически, что даже президент вынужден был этим озаботиться.

Сегодня разврат проник практически во все поры россий-

ского искусства. Даже на сцене Большого театра, который при «жестоких» коммунистах продолжал оставаться святым местом и был гордостью страны, царит чуть ли не Содом и Гоморра. Это в открытую признают даже люди, которые никогда советскую власть особо не любили. Например, выдающаяся оперная певица Галина Вишневская. Осенью 2006 года она собиралась праздновать свой 80-летний юбилей в Большом театре, но в итоге вынуждена была отказаться от этого, поскольку увидела там такое непотребство, которое она не видела никогда. Речь идет об опере «Евгений Онегин» по А. Пушкину в интерпретации Дмитрия Чернякова. Описывая свои впечатления от нее, Вишневская заявила следующее: «Спектакль отвратителен. Как можно отнестись к этой жемчужине оперы с таким цинизмом? Показана пьяная драка вместо дуэли! Как такое можно делать в театре? Большой – национальное достояние, содержащееся на деньги народа. И абы кто не имеет права в нем экспериментировать. Я туда больше не хочу даже входить. И не войду…».

Но вернемся к фильму «Детям до 16…».

В последней его части речь идет о годах горбачевской «перестройки», когда, собственно, и начался весь тот разврат, который мы расхлебываем до сих пор. Однако в фильме почему-то не проводится эта самая параллель: между той самой зажравшейся и ориентированной исключительно в сторону Запада партноменклатурой (теми самыми любителями «клубнички» с закрытых спецдач) и сегодняшней рос-

сийской буржуазией, которая в большинстве своем состоит практически из тех же самых людей плюс выпестованные ими «новые русские». Это они предали и продали сначала одну страну, а теперь делают то же самое и с Россией. И деятели искусства им активно в этом помогают. Все эти «интердевочки» и «маленькие Веры», прикрытые фиговыми листками «правды жизни», для того и были сняты, чтобы стать новому поколению киношных манкуртов путеводными маяками, которые поведут Россию в пропасть разврата и вырождения.

*(«Советская Россия», приложение «Отечественные записки» от **6 февраля 2007 года**)*

Битва за великого маршала

Снятие опалы с Г. Жукова, которая случилась в середине 60-х, не было случайностью. Это было закономерным итогом того поворота к державности, который совершила команда Брежнева, придя к власти. Ведь хрущевская «оттепель», начавшись как дело благое, в итоге скатилась к откровенному антипатриотизму, который наносил колоссальный урон идеологии. Именно этот урон и напугал высшие слои партии, которые приняли решение сместить Хрущева и начать постепенный возврат к державному курсу. Все это потребовало и реабилитации имен тех харизматических лидеров, которые в сознании советских людей всегда олицетворялись с патриотизмом. Иосиф Сталин и Георгий Жуков были как раз из их числа.

Первыми, кто взялся реабилитировать имена этих людей в общественном сознании, стали кинематографисты. До этого значительная часть деятелей кино приложила немало усилий, чтобы, двигаясь в русле «оттепели», либо вычеркнуть эти имена из истории (как случилось с Жуковым), либо сознательно очернить (как было со Сталиным). Особенно усердно разоблачали последнего. Однако за время «оттепели» кремлевское руководство смогло убедиться, что обще-

ству в целом этот процесс вредит, поскольку служит мощнейшим идеологическим козырем для западных стратегов «холодной войны», которые исключительно на нем и делали свой черный пиар Советскому Союзу. Ведь разоблачать сталинские репрессии можно было до бесконечности, причем нагнетая ситуацию вокруг этого все сильнее и сильнее. Взять тот же кинематограф.

Начав, в общем, с невинных эпизодов «про культ» в таких фильмах, как «Чистое небо», «Тишина» или «Живые и мертвые», кинематографисты затем вознамерились пойти еще дальше. Практически на всех советских киностудиях были готовы к запуску фильмы, где тема культа личности из эпизодической уже становилась главной. И застрельщиком этого процесса должна была стать главная киностудия страны «Мосфильм». Именно там мэтр советского кинематографа Марк Донской в 1963 году задумал снять фильм «Без тернового венца», где речь шла о судьбе тех советских чекистов, которые стали жертвами сталинских репрессий. В фильме предполагалось воспроизвести и садистские допросы в лубянских подвалах, и сцены массовых расстрелов, и ужасы ГУЛАГа.

Если бы подобное кино, снятое на ведущей киностудии страны, увидело свет, то это дало бы мощный импульс другим киностудиям начать активно разрабатывать тему сталинских репрессий. Как откровенно пишет киновед-либерал Валерий Фомин: «Вслед за «первыми ласточками» на сту-

диях страны готовились сценарии, задумывались фильмы, в которых тема культа должна была из побочных, сопутствующих решительно переместиться в центр повествования. Кинематограф готовил себя к тому, чтобы сделать свой по-настоящему крупный и принципиальный шаг к правде о пережитой страной великой исторической трагедии. И тем самым хоть как-то искупить свою вину перед народом за прошлые свои сладкие песнопения и торжественные гимны кровавому режиму. Более того, всем своим могучим арсеналом кинематограф мог тогда способствовать решающему перелому в развернувшемся сражении за расчистку народного сознания от идеологических мифов сталинизма…»

Ну, к чему привела некогда великую страну подобная «расчистка народного сознания», мы теперь хорошо знаем: в годы горбачевской перестройки именно тема разоблачений культа личности Сталина стала магистральной в идеологии перестройщиков. И им понадобилось всего четыре года (1987–1991), чтобы так запудрить мозги миллионам людей, что те с легкостью не только прокляли свое «мрачное прошлое», но и отреклись от настоящего, согласившись на разрушение собственной страны. Если господин Фомин приветствует развал и уход в небытие великой державы, то, как говорится, флаг ему в руки. Я же лично считаю это трагедией. Так вот эта трагедия могла произойти за 20 лет до перестройки, но не произошла именно потому, что тогда руководство страной было адекватным (тот же Брежнев был еще

полон здоровья и сил) и сумело остановить тот чернушный вал, который накроет страну при Горбачеве.

Как бы ни возмущались господа либералы, но ничего ужасного в том, что советские власти взялись за сворачивание критики культа личности Сталина, не было. Это была естественная реакция государственных людей, озабоченных сохранением спокойствия в обществе. И у них было с кого брать пример – с тех же американцев, которые долгие десятилетия старались не вспоминать тот геноцид, который учинили их предки над индейцами. Ведь известно, что в ходе покорения Америки было уничтожено 1,5 миллиона аборигенов, которые столетиями жили на этом континенте, не зная бед. Но белые переселенцы с помощью американской армии начали методично их истреблять, не щадя ни женщин, ни детей. И хотя позднее американские власти признали свою вину за тот геноцид, который они учинили над индейцами (как и руководство КПСС честно призналось в беззакониях сталинских времен), однако популяризировать эту трагедию средствами того же кинематографа у них смелости не хватило.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.